

ЛЕГКОЕ
ПЕРЬШШКО

КАК ПЕСНЯ ТИШИНЫ
МАРА ВУЛЬФ

Young Adult. Немецкие фэнтези-бестселлеры Мары Вульф

Мара Вульф

**Лёгкое пёрышко.
Как песня тишины**

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.112.2-93
ББК 84(4Гем)-44

Вульф М.

Лёгкое пёрышко. Как песня тишины / М. Вульф — «Эксмо»,
2018 — (Young Adult. Немецкие фэнтези-бестселлеры Мары
Вульф)

ISBN 978-5-04-166811-2

«Я запретила себе думать о Кассиане. Снова. Интересно, сколько я продержусь на этот раз? Одну секунду, две, три... Готова поспорить, из-за меня он и слезинки не проронил. Или я ошибаюсь?» Элиза полна решимости забыть об эльфах и вернуться к обычной жизни. Но неожиданно посреди ночи с археологических раскопок возвращается ее отец. Загадочная шкатулка, которую ему удалось найти, приводит обоих на остров Скай, в скрытую от посторонних глаз деревню черных магов. Элиза вновь оказывается втянутой в опасное приключение. Девушке и на этот раз не обойтись без эльфов. Придет ли Кассиан ей на помощь?

УДК 821.112.2-93

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-166811-2

© Вульф М., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Мара Вульф

Лёгкое пёрышко

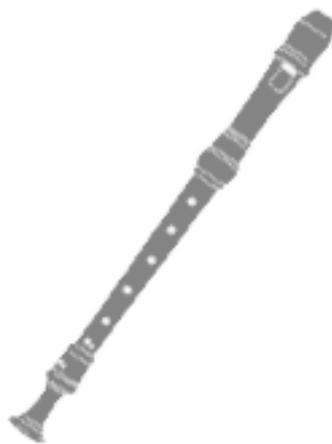
Как песня тишины

Marah Woolf
FEDERLEICHT.
First published in German under the title
FederLeicht. Wie der Klang der Stille
by Marah Woolf
with illustrations by Carolin Liepins
© 2018 by Marah Woolf und Oetinger Taschenbuch
in der Verlag Friedrich Oetinger GmbH
Published by agreement with Verlag Friedrich Oetinger,
Hamburg, Germany.

Серия «Young Adult. Немецкие фэнтези-бестселлеры Мары Вульф»

© Савельева Г., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Легкий, как перышко, падает снег,
Шар с волшебством облегчит твой побег.*

*Часы остановят поток временной,
Былое в момент станет вдруг торжеством.*

*Флейта мечты твои в жизнь претворит
И от несчастий тебя защитит.*

Зеркало мир весь покажет тебе,

Ложь не поможет никак в колдовстве.

*Сила волшебная в перышке бдит,
Помогает тому лишь, кто ее сохранит.*

*Кольцо тебя скроет от сил извне,
Пусть видят тебя лишь кто нужен тебе.*

*Ключ всегда защитит ото всех,
Но будь осторожным и бойся помех.*

Пролог

Для человеческой девушки Элиза была поразительно отважной. Знал я некоторых женщин-троллей, которые удрали бы с визгом, столкнувшись с кентавром или мантикорой. Впрочем, они и не стремились произвести впечатление на одного высокомерного эльфа. Капризы любви, конечно. Ведь Элиза была влюблена в Кассиана по уши, что и этот слепой эльф понимал. А мне даже было немного жаль ее. Особенно когда она краснела, как помидор, стоило Кассиану обратить на нее внимание. Элиза боролась с ветряными мельницами, а я ничего не мог ей рассказать.

Она была еще так молода и полна надежд, думая, что настанет день и ее эльф превратится в сказочного принца. Я же сомневался, что это когда-нибудь произойдет. У Кассиана были иные приоритеты. И к сожалению, Элиза не входила в них. Да и кто бы мог поставить ему это в вину, учитывая сложившиеся обстоятельства?

Хотя, в сущности, я не знал, что такое любовь. Я был лишь троллем.

Глава 1

Волшебная палочка, казалось, собиралась пронзить меня насквозь. Острие было устремлено точно между глаз. Я боялась, что из нее сейчас посыпятся искры и превратят меня в жабу. Хотя, может быть, и в эльфа. Во мне почти затеплился крошечный огонек надежды, но тут же погас. Мерцающие в полумраке темные глаза определенно не принадлежали жизнерадостной фее, которая мечтала лишь о моем счастье и хотела превратить в прекрасное создание.

– Тебе не следует ее открывать, – распорядился голос, подтверждая мою догадку. Парень, похоже, не питал ко мне дружеских чувств. От его слов у меня подкосились ноги. Он уже не раз угрожал мне, но разве так трудно объяснить, что имеешь в виду? Или говорить загадками – это непременно условие? Да ладно. Повторяя, что мне не следует ее открывать, он придавал этому все большее значение. У меня руки чесались его ударить, но, к сожалению, это оказалось невозможно, потому что я спала. По сравнению с этим сном тот, что снился в начале года, был гораздо лучше. Ведь благодаря ему я познакомилась с Кассианом. Но сильно сомневалась, что парень с палочкой будет хотя бы отдаленно так же сексуален, как мой слепой эльф.

– Может, все-таки расскажете, что мне не следует открывать? Тогда вам не придется заморачиваться и показываться мне каждую ночь, – ворчливо предложила я впервые с тех пор, как мне начал сниться этот сон. Во мне медленно закипала злость. На Кассиана, на жуткого парня из сна, Квирина и вообще всех. Я не могла перечислить всех, список был слишком длинным. К тому же мне хотелось наконец спокойно поспать.

Глаза загорелись, и в них вспыхнули маленькие огоньки. Серьезно? Так и перестараться можно. Я перестала бояться горящих глаз с девяти лет, когда мой брат Финн уговорил посмотреть с ним «Пятницу, 13-е».

Но не успела дать ему толковый совет, как по моему лицу прошло что-то влажное. Надеюсь, он не наколдовал нечто наподобие гигантского языка. Это выглядело бы скорее не страшно, а противно. Совсем рядом раздалось знакомое мяуканье, и я открыла глаза. Мой кот Носочек лежал рядом на подушке и искоса поглядывал на меня.

Я запретила себе думать о Кассиане. В миллионный раз. Интересно, сколько я продержусь. Одну секунду, две, три... Готова поспорить, из-за меня он и слезинки не проронил. Или я ошибаюсь? Мысли вертелись в голове, как на карусели. Я отчаянно хотела получить ответы на множество вопросов. Куда пропала Ларимар, верховная эльфийская жрица, когда выяснилось, что она заперла королеву в пещере в Вечном лесу? Элизьен искала ее, чтобы покарать, или решила просто радоваться своему возвращению в Лейлин? Смягчила ли она строгие правила, введенные Ларимар? Возможно ли, что Рубин ничего не знал о предательстве своей матери? Как дела у Джейд, Рэйвен и Квирина? И самый важный вопрос: страдает ли Кассиан от любви, которую я отвергла?

Я тихонько рассмеялась, и мистер Рот, учитель по физике, сурово посмотрел на меня. Он понял, что мои мысли витали далеко отсюда. Я вздохнула. До летних каникул осталась пара недель. Мы с мамой и Финном хотели навестить папу в Перу, где он руководил раскопками. Еще год назад я была бы вне себя от радости, но теперь чуть с ума не сходила от ужаса при

мысли, что окажусь так далеко от дома. Что, если я понадобится Кассиану? В джунглях Перу ему меня не найти. Я умоляла маму позволить мне остаться дома, но она оставалась непреклонна. Вообще-то я даже могла ее понять, ведь, скорее всего, это был наш единственный шанс провести отпуск всей семьей.

К сожалению, я не могла признаться, что безумно влюблена в эльфа и жду его возвращения. Это поставило бы под вопрос мое психическое здоровье, а мне этого совсем не хотелось.

Я нарисовала в тетради дверь в мир эльфов, украсив ее крошечными сердечками и бабочками-хранителями. Если к двери приближался посторонний, они закрывали ее крыльями. К сожалению, узнать заранее, где появится дверь, было невозможно. С тех пор как я вернула эльфам снежный шар, они могли открыть ее в любом месте. Теоретически. Но на деле они объявлялись лишь тогда, когда нуждаются в моей помощи. То есть нуждались. После возвращения их королева Элизьен все уладила, и я стала не нужна. На самом деле обидно. Я бы с радостью приняла участие в новом приключении, позволив Кассиану оберегать меня. Но те времена остались в прошлом. Лучше смотреть в будущее и подумать, чем хочу заняться после школы. Пришло время принимать решение.

– Сердечки? Восемь штук? – сидевший рядом Фрейзер склонился над моей тетрадью.

Криво улыбнувшись, я добавила зигзагообразную линию к одному из сердец. Теперь оно выглядело совсем как мое. Разбитым.

– Этот самодовольный эльф тебя не заслуживает. Но уверен, что рано или поздно он объявится, – попытался подбодрить меня Фрейзер и пририсовал рядом свое сердце. Черное и расколотое пополам. Рисовал он куда лучше, чем я.

На губах парня появилась грустная улыбка. Если бы Скай увидела его таким, наверняка упала бы в его объятия, но в ее присутствии Фрейзер всегда держался спокойно, будто смирился с отказом.

Он был влюблен в Скай так же сильно, как я в Кассиана. Но она даже не позволила ему себя поцеловать. Моя подруга категорически отказывалась попасть в список его побед. Хотя я думала, что Фрейзер и не взглянул бы на другую девушку, если бы Скай ответила ему взаимностью. Но как бы я ни пыталась объяснить это ей, она оставалась непоколебима.

В начале учебного года я сама была влюблена в этого парня, но теперь он стал моим лучшим другом, которого я теперь искренне жалела. Может, стоит еще раз поговорить со Скай. Ведь капля камень точит. Я догадывалась, что Фрейзер нравился ей куда больше, чем она готова признать. Все-таки он был не только легким в общении и забавным, но еще и настоящим красавцем, благодаря зеленым глазам и темным кудрям. Впрочем, для Скай все это не имело особого значения. Для нее идеальный парень должен готовиться к получению Нобелевской премии, спасти сотню детей из горящего дома и играть на фортепьяно, как Моцарт. И это меня Скай назвала оторванной от реальности, когда я влюбилась в эльфа?

– Пойдешь со мной на пляж? – спросил Фрейзер, когда мистер Рот отпустил нас.

Я покачала головой.

– Уже пообещала маме помочь в кафе.

– Тебе не кажется, что она слишком тебя ограничивает?

Еще пару месяцев назад я думала так же, но теперь мама хотя бы оплачивала мою работу. Не очень щедро, но у меня получалось откладывать понемногу. Я планировала не продолжать учебу сразу после школы, а отдохнуть и немного попутешествовать. Грызть гранит науки мне надоело. Только мама не подозревала о моих планах и едва ли пришла бы в восторг, узнав о них. Мне требовалось привлечь на свою сторону папу и бабушку.

Прозвенел звонок, и я сунула конспекты в сумку. Фрейзер чмокнул меня в щеку и выскочил из кабинета. Я была почти уверена, что он подкараулит Скай во дворе и уговорит провести вместе время после школы. Этот парень не собирался сдаваться без боя, и мне это нравилось.

Доехав до дома, я оставила велосипед в сарае и помчалась в кафе. И внутри, и на открытой веранде яблоку было негде упасть. Звон посуды и болтовня гостей наполняли сад. В воздухе пахло кофе и выпечкой. После завтрака у меня во рту и маковой росинки не было, поэтому едва я почувствовала аромат свежих булочек, у меня заурчало в животе. Последнее время это происходило все чаще: желудок будто скручивало в узел.

Маму я обнаружила на кухне среди гор посуды и выпечки. Она как раз вытаскивала противень из разогретой духовки. Мама убрала волосы с лица и, увидев меня, выдохнула:

– Слава богу! У меня голова кругом идет.

Я небрежно отбросила сумку, скинула пиджак на стул и схватила поднос, лежащий наготове.

– Куда нести?

– Пятый стол, – сказала мама, начав колдовать над суперсовременной кофемашиной, папиным подарком. Она должна была упростить нашу работу, но мудреный агрегат, кажется, об этом никто не предупредил.

Я отнесла торт и чай на пятый столик, обслужила других гостей и собрала новые заказы. Потом разрешила паре туристов себя сфотографировать, им понравилось, что на мне настоящая школьная форма. Я принесла блюдце взбитых сливок для пуделя пожилой дамы. Хотя лучше бы я вызвала ветеринара – собака была такой круглой, что едва могла двигаться.

Я заметила бабушку, сидящую в компании профессора Галлахера и орехового торта. Она помахала мне как раз в тот момент, когда я несла тяжело нагруженный поднос на кухню, отчаянно надеясь, что не споткнусь, опрокинув все тарелки и чашки на гравий. Выдохнув с облегчением, я опустила его на стол и направилась к бабуле.

– Профессор Галлахер. – Я обтерла ладони о юбку, оставив на ней пятно от сливок. И протянула ему руку: – Рада вас видеть. Где вы так долго пропадали? Мы по вам соскучились.

Сколько себя помню, профессор неизменно навещал бабушку каждый понедельник.

Он кивнул, от улыбки морщинки на его лице стали глубже. Он мне очень нравился. Из-за седых волос и бороды он напоминал мне Ричарда Аттенборо из «Парка юрского периода». Профессор Галлахер тоже носил круглые очки, сидящие так низко на переносице, что я опасалась, не упадут ли они в его чашку чая.

– Я был занят. Пришлось посвятить много времени кельтам, населяющим Британию, и их последовательной миграции, – пояснил он, сияя так, будто изобрел снэпчат или что-то подобное.

– Вот оно что, – откликнулась я, надеясь, что бабушкин друг не втянет меня в обсуждение этой невероятно увлекательной темы. Я до сих пор вспоминала, как у меня голова шла кругом после его прошлого визита.

– Конечно, это не служит оправданием, что я так долго не навещал твою бабушку, – добавил профессор Галлахер.

Я с удивлением заметила, что бабуля погладила его покрытую возрастными пятнами руку и покраснела.

– Прошло всего две недели, мой друг, – успокоила она его.

– Принести вам еще что-нибудь?

Профессор Галлахер протянул мне пустую чашку.

– Я возьму один капучино. Должен сказать, у вас он самый вкусный.

– Я передам маме. – Поставив чашки на поднос, я вытерла крошки со стола. – Принесу вам пару пледов.

Несмотря на весеннее солнышко, в саду было прохладно.

– Как это мило с твоей стороны, – улыбнулась бабушка.

Я побежала в холл, где в огромной плетеной корзине лежали темно-синие пледы с вышитым на них логотипом кафе: двумя книгами в венке из цветов. Мне это казалось немного

слащавым, но туристы были в восторге. И нам приходилось следить, чтобы пледы не утащили. Несколько я дала гостям, расположившимся на террасе за столиками из кованого железа. Бабушка со своим профессором взяли пледы, не отвлекаясь от разговора. На столе между ними лежали коричневый конверт и толстая книга. Я взглянула на заголовок: «Магические ритуалы и оккультные практики». Неужели бабуля пытается втянуть своего друга в разговор об эзотерике? Я ухмыльнулась.

Следующие два часа пролетели очень быстро. Я видела, как вернулись домой Финн и Грейс, но они тут же скрылись в его комнате. На улице похолодало, и большинство гостей начали расходиться, а я отправилась на кухню мыть посуду.

Когда бабушка с профессором начали прощаться, уже давно стемнело. Я протирала столики в саду. У моих ног жалобно мяукал Носочек, требуя, чтобы его покормили.

– Потерпи немного. Я тоже проголодалась.

Выпрямившись, я потеряла ноющую спину.

– Жду вашего ответа не раньше следующей недели, – напомнила бабушка на прощание.

– Я не позволю вам, моя дорогая, вновь мучиться напрасным ожиданием, – подмигнул он ей. – Это будет грубо по отношению к такой обворожительной даме.

Даже в сумерках я увидела, как покраснела бабушка. Потом она захихикала и шлепнула его по руке. Люди еще флиртуют в таком возрасте?

Дедушка умер пару лет назад, и мне даже в голову не приходило, что бабуля может встретить кого-то. Она старая, и у нее есть мы, разве этого недостаточно?

– Только умоляю вас, позаботьтесь о документах. Крайне важно, чтобы они попали к Стивену. Я целиком полагаюсь на вас. – Профессор взял бабушку за руки, и я наострила уши.

Наверняка речь шла о коричневом конверте, который лежал на столе. Почему он просто не отправил его папе?

– Конечно, вы можете на меня рассчитывать. Я позабочусь, чтобы он все прочитал. Что за глупый мальчишка. С его стороны было неправильно так долго не отвечать.

Когда профессор нежно погладил бабушку по щеке, тряпка выскользнула у меня из рук и упала на голову Носочку. Тот возмущенно замяукал.

– Очень на это надеюсь. К сожалению, в нашем возрасте нельзя быть уверенным, случится ли вообще следующий раз, – услышала я голос профессора, когда наклонилась.

– Не надо, еще накликаете беду, – бабушкин голос дрожал, хотя она старалась говорить бодро.

Профессор надел нелепую шляпу, с которой никогда не расставался, и просто улыбнулся.

Прохладный ветерок коснулся моих ног и зашуршал в розовых кустах. Я испуганно выпрямилась и попыталась разглядеть что-нибудь в темноте сада. Меня охватило странное чувство, будто за мной кто-то наблюдает. Трусливо мяукнув, Носочек шмыгнул в дом. Я бы с радостью последовала его примеру.

Когда я обернулась, бабуля с профессором уже скрылись. До меня доносился лишь хруст гравия у них под ногами. Должно быть, бабушка пошла провожать его до ворот.

Почему я никогда раньше не замечала, как близко эти двое общаются? Можно ли в их возрасте снова влюбиться? От такой мысли я покачала головой. Они друзья. Просто друзья. Хотя они подходят друг другу, да и бабушка не такая уж и старая. Надо будет при случае спросить маму, что она об этом думает. Но только не сегодня. Я устала как собака и хотела скорее рухнуть в постель. Это было лучшее мгновение всего дня. Перед сном я могла помечтать, что он скучает по мне так же сильно, как я по нему. Ребячество, но иначе я не могла.

Глава 2

В голове гремело так, будто там звонил огромный церковный колокол. За одним ударом следовал новый. Я спокойно относилась к грому и молнии, но обычно между ними хотя бы на пару секунд воцаряется тишина. Я натянула одеяло на голову, но грохот не стих. Носочек с мяуканьем царапал деревянную раму кровати. Я немного приподняла одеяло, и он тут же юркнул в постель. Мама, конечно, будет ругаться, если найдет в кровати кошачью шерсть, но я не могла бросить трусишку на произвол судьбы. Я успокаивающе погладила мягкую шерстку.

– Все хорошо. Это просто гроза, – пробормотала я в полусне, когда его маленькое тельце прижалось ко мне.

В этот момент я заметила, что из-под двери пробивается свет. Судя по всему, непогода разбудила кого-то из домашних. Прислушавшись, заметила, что гром стих, а дождь перестал барабанить по стеклу.

Вдруг до моих ушей донесся мужской голос, и я сразу поняла, что он не принадлежит моему брату-близнецу Финну. Сон как рукой сняло. Я включила свет и прислушалась.

Папа? Быть того не может. Он ползал где-то в джунглях Перу, раскапывая глиняные черепки. Хотя предположить, что ночью в наш дом прокрался посторонний человек, еще более нелепо. Свесив ноги с кровати, я спрыгнула на пол. Возмущенное мяуканье Носочка, которому я прищемила хвост, осталось без внимания. Я распахнула дверь и понеслась вниз по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Как бы это ни казалось невероятно, но, добравшись до холла, я увидела папу. Он обнимал маму, которая спрятала лицо у него на груди. Отца так давно не было дома, что здесь он казался чужим человеком.

Папа выглядел уставшим, глаза – в красных прожилках. Улыбнувшись, он развел руки, чтобы обнять меня.

Стоило мне уткнуться в его измятый клетчатый пиджак, как меня окутал знакомый запах. Папа так редко бывал дома. И хотя я не скучала по нему постоянно, но стоило ему вернуться, я поняла, как сильно нам его не хватало.

– Что ты тут делаешь? – спросила я.

Он криво усмехнулся.

– Я думал, это мой дом.

– Ну конечно, – мама ласково шлепнула его по груди и бросила на меня укоризненный взгляд. – Просто обычно мы знаем, когда ты приезжаешь, и ты не устраиваешь такой тарарам.

– Не мог найти свой ключ, а ночевать на улице не хотелось.

– Почему ты не позвонил? – Мама покачала головой. – Я бы забрала тебя в Эдинбурге.

– Кажется, я немного запутался. Уезжал второпях и совершенно забыл вас предупредить.

Это объяснение тянуло на преуменьшение года. Должно быть, папа совсем оторвался от реальности. Его обычно аккуратно причесанные волосы торчали в разные стороны, рубашка была застегнута неправильно. Узкие очки сидели криво, да и вид у него был совершенно измученный. Будто он не ел несколько дней.

– Сколько ты уже в дороге? – обеспокоенно спросила мама.

– Довольно долго. Какой у нас сегодня день?

– Четверг. – Мы нетерпеливо смотрели на него.

Папа почесал затылок.

– Я вылетал в понедельник вечером, но в последний момент связь испортилась. – Он покачнулся.

– Ну-ка присядь, – распорядилась мама, и мы отвели папу на кухню. Она зажгла лампу, стоящую на подоконнике, и наполнила чайник водой.

Я плюхнулась на стул рядом с ним, чувствуя себя немного сонной и сбитой с толку. Как правило, отец был точен, как швейцарские часы. Мы всегда знали, где он находится, когда собирается приехать домой или когда мы поедem к нему в гости. На кухне висел календарь, где мама отмечала только папино расписание. Мы не видели его несколько месяцев, и вот он сваливается на нас как снег на голову. Здесь что-то не так.

Я взяла папу за руку. Она была холодной как лед.

– Что случилось? В Перу началась война или вас прогнали местные жители? – спросила я тихо, чтобы мама не услышала мой вопрос. Что-то в этом роде уже происходило раньше. Жизнь археолога бывает опасной. Меня затошнило. Папа обладал мастерским самоконтролем, но что-то выбило его из колеи.

– Ничего такого. – Папины глаза заблестели от слез. Я ни разу не видела его плачущим, но сейчас он был близок к этому как никогда. Он сделал глубокий вздох и объявил достаточно громко, чтобы мама тоже услышала:

– Профессор Галлахер умер.

Папин голос дрожал.

Чайная чашка, которую мама достала из шкафа, упала на пол и разлетелась на мелкие осколки. Должно быть, я ослышалась. Наверное, я все еще сплю, и мне снится сон.

– Умер? – Мамины глаза широко распахнулись. – Это невозможно. Всего пару дней назад он был здесь и пил чай с бабушкой.

– Понедельник, – произнесла я. Похоже, папу обманули. Сыграли с ним шутку. Неудачную шутку.

– Профессор всегда приходил по понедельникам, – выпалила я. Моя усталость исчезла. – За исключением последних двух недель, а это странно. Он же прекрасно знает, как радуют бабулю его визиты. В этот понедельник было так тепло, что все сидели на веранде. Они с бабушкой ели ореховый торт, профессор хвалил наш капучино. По его словам, у мамы он самый вкусный.

Я повернулась к отцу.

– Не мог он умереть. Он был в отличной форме.

Папа провел руками по лицу и стал казаться еще более растрепанным. Он всегда был твердым и сдержанным человеком, и меня пугало, что что-то настолько его ошеломило.

– Боюсь, это правда, – сказал папа спустя некоторое время, когда молчание стало невыносимым. – Кассандра позвонила мне в понедельник вечером. Она была в истерике, и я с трудом смог ее успокоить. Сказал, что она должна связаться с вами, и сразу же отправился в путь.

Мы с мамой закачали головами, Кассандра ничего нам не сообщила. Вообще было странно, что мы ничего не слышали, ведь слухи в Сент-Андрусе распространялись как лесной пожар.

Будто в полусне мама подошла к стулу и опустилась на него.

– Не могу в это поверить. Какая предположительная причина смерти? – прошептала она, комкая побелевшими пальцами ночнушку. – Нужно было позвонить нам. Ты же знаешь Кассандру.

Папин взгляд был полон сожаления.

– Я был совершенно сбит с толку. Даже в голову не пришло, да и подумал, что к моему приезду вы уже будете в курсе. – Он недоверчиво смотрел на нас. – Я вижу, что вы не шутите, но мне определенно звонила Кассандра.

Я переводила взгляд с отца на мать. Кассандра, дочь профессора Галлахера, жила с отцом в старинном особняке на окраине кампуса. Почему она позвонила именно папе в Перу? Я точно знала, что у них не было никаких родственников, но звонить на другой конец земного шара довольно странно. Хотя стоит учесть, что и сама Кассандра – весьма странный человек. Волоски у меня на шее встали дыбом, когда я вспомнила последние слова профессора. Он сказал, что в его возрасте уже нельзя быть уверенным, что следующая встреча состоится. Теперь это звучало как пророчество.

– Он умер? – Бабушка побелела как мел. Она стояла в дверном проеме, придерживая обеими руками халат в цветочек.

– Мне так жаль, мамочка. – Мама вскочила, бросилась к ней и заключила в объятия. Бабушкины плечи подрагивали. Мне было безумно жаль. В прошлом году умерла ее школьная подруга, а теперь – друг. В горле образовался ком.

– Мне налить чай? – спросила я, но никто не ответил. Я неуверенно встала, насыпала травяной чай в заварочный чайник и залила его кипятком. Комната наполнилась знакомым запахом мяты.

Родители с бабушкой шептались за столом, будто им было что скрывать от меня. Но как я ни прислушивалась, стараясь поменьше шуметь сахарницей и молочником, уловила лишь отдельные слова.

– ...сердце... внезапно... обнаружили слишком поздно...

– Что именно произошло? – Я поставила мамины любимые зеленые чашки на стол, давая понять, что я не ребенок, от которого можно отделаться.

– По телефону слова Кассандры едва можно было разобрать. – Папа взял сахарницу и высыпал в свою чашку гору сахара. – Сначала она кричала, потом заплакала. Вообще, несла какую-то чушь. Бормотала, что это ее вина. Если бы только она нашла его раньше. Я пытался объяснить ей, что у профессора было больное сердце. Но Кассандра была слишком расстроена, чтобы прислушаться ко мне. Она никак не могла успокоиться, а потом вдруг повесила трубку.

– Думаешь, это сердце? – уточнила бабушка. – Мне он говорил, что все в порядке. Что совсем недавно прошел осмотр у врача.

– Кто может такое точно знать? – отозвался папа. – Но для его возраста это неудивительно. В конце концов, мне нужно было что-то сказать. Подробности я узнаю, только когда увижусь с Кассандрой.

– Не понимаю, почему она не позвонила нам, – перебила его мама. – Бедняжка уже несколько дней совсем одна в этом доме. Надо завтра же навестить ее и проверить, как она.

– Она сказала кое-что еще. – Папа откашлялся и бросил извиняющийся взгляд на бабулю. – В конце разговора она немного пришла в себя и заявила, что он передал тебе что-то для меня. Попросила меня немедленно вернуться. Что это вопрос... жизни и смерти.

Мы с мамой смотрели на него так, будто папа сошел с ума. Мы промолчали, но мысль, что только из-за этой просьбы он тут же сорвался с места, была пугающей. Ведь Кассандра была, мягко говоря, немного не в себе. Как правило, ее словам не придавали никакого значения.

Бабушка собралась и кивнула.

– В понедельник он оставил здесь конверт. Настойчиво просил, чтобы ты ознакомился с бумагами. – По ее щеке скатилась слеза, но бабуля встала, вытерев ее. – Сейчас принесу.

Едва она вышла из кухни, мама произнесла:

– Кассандра всегда была склонна драматизировать. Может, ей просто требовалась помощь с похоронами.

Драматизировать? Кассандра была немного не в себе, хотя вполне безобидна. Она постоянно рассказывала странные истории о призраках и других паранормальных явлениях.

Папа задумчиво покачал головой.

– Она была напугана. Я это отчетливо слышал. – Он хотел сказать что-то еще, но взглянул на меня и промолчал.

Бабушка вернулась с конвертом в руках и подала папе. Он повертел его, а потом вскрыл ручкой ложки. Вытащив из конверта пачку бумаг, папа пролистал ее. Затем быстро затолкал все обратно в конверт, и на его лице появилась напряженность.

– Элиза, тебе стоит вернуться в кровать, – сказал папа, не обращая внимания на наши любопытные взгляды.

– На самом интересном месте, – проворчала я. – Что там написано?

Он хочет от меня отделаться? Я же теперь ни за что не засну. Это было нечестно. В конце концов, я уже не ребенок, но время от времени папа легко об этом забывал.

– Давай поговорим об этом завтра, когда узнаем подробности. Уже поздно. Тебе нужно высыпаться, не забывай, у тебя скоро экзамены.

Я со вздохом поставила чашку в раковину – в последнее время экзамены превратили в аргумент, которому нельзя ничего противопоставить. Перед уходом я чмокнула папу в щеку и вдохнула пряный аромат, знакомый с детства. Я так и не знала, это его личный запах или запах большого мира.

– Я рада, что ты приехал, – призналась я, и папа крепко обнял меня.

Я не торопясь поднялась по лестнице, прислушиваясь к разговору на кухне.

– Ты знаешь, над чем он работал? – услышала я бабушкин голос.

– Мы давно не поддерживали связь. Спутниковая связь в Перу оставляет желать лучшего, для общения со старым профессором она не подходит.

Даже с лестницы я прекрасно слышала нотки сожаления в его голосе. Папа был многим обязан профессору, но последние годы он практически полностью его игнорировал. Впрочем, как и нас.

– Два года, – сказала бабушка. – Ты не давал о себе знать два года. Это его очень огорчало. И расстраивало. Он надеялся, что ты, по крайней мере, ответишь на его письма.

– Мы не пришли к согласию по поводу его новых исследований, – заявил папа в свою защиту.

– О чем это вы? – вмешалась мама.

– Профессор Галлахер занялся оккультизмом, – сообщила бабушка. – И ему была нужна помощь Стивена. Неужели ты не мог один раз пойти ему навстречу?

– Я не одобрял его подход. Он не имел ничего общего с объективной наукой. Поддержи я профессора, и моя репутация была бы испорчена. И он это понимал. Карьеру профессор Галлахер уже построил, а у меня она на самом подъеме. – Папина чашка так звонко ударилась о блюдце, что, стоя на лестничной площадке, я вздрогнула.

– Эта работа была важна для него, – в голосе бабушки прорезались агрессивные нотки. Я услышала, как она откашлялась, и прокралась обратно в холл. – Каждая культура отличается своими представлениями о сверхъестественных явлениях. И он изучал их с научной точки зрения. Если ты не смотришь налево и направо, это не означает, что лево и право не существует.

– Ради этих бредней он поставил на кон свою репутацию, – проворчал папа. – И мы из-за этого серьезно повздорили. Так что стало ясно, что каждому из нас пора идти своей дорогой.

Заскрипел отодвигаемый стул, когда кто-то встал.

– А это. – Я заглянула в открытую дверь кухни и увидела, как папа размахивает конвертом. – Это нужно сжечь.

Бабушка встала прямо перед ним, и ее глаза сердито сверкнули.

– Не вздумай. Ты называешь это бреднями, хотя сам ничего толком не понял. – Она возмущенно тыкала в него указательным пальцем. – Ты слишком много думаешь об этих своих исследованиях.

– Успокойтесь оба и сядьте. Хватит кидаться друг на друга, – мама попыталась разрядить накалившуюся обстановку.

Повернувшись к раковине, папа налил в стакан воды. Сделав несколько быстрых глотков, он обернулся к бабушке.

– Возможно, ты права, – произнес он со вздохом. – Я был зол на него. Но сейчас это уже неважно. Теперь, когда он умер.

– Его это огорчало, но он мог тебя понять. А я все равно на тебя злюсь.

Папу можно было осуждать за то, что работа для него была важнее, чем мы. Тем не менее я пожалела, что бабушка бросила ему этот упрек именно сейчас. В конце концов, все мы с этим смирились. Тем удивительнее было, что он бросил все дела, когда умер его старый профессор.

Я немного наклонилась вперед, чтобы лучше видеть происходящее.

– Тебе пора ложиться спать, Элиза, – резко бросил папа, даже не поднимая глаз.

Выругавшись себе под нос, я поспешила к лестнице.

– Поговорим завтра, дорогая.

Поднявшись наверх, я свернулась в клубок на кровати, но долго не могла заснуть. Атмосфера на кухне накалилась. Чем занимался профессор? Оккультизмом? Неудивительно, что он так часто засиживался в кафе с бабулей. Они, должно быть, обсуждали карты Таро, гадание на маятнике и тому подобное. Рассказала ли ему бабушка про эльфов? Я вздохнула и так сильно прижала к себе Носочка, что он возмущенно мяукнул.

– Прости, – пробормотала я. – Хотела бы, чтобы кое-кто другой оказался в моей п... м-м-м. Рядом со мной.

Нельзя о нем думать. Лучше уж считать овец. Знаю, это тоже не самый эффективный способ заснуть, но ничего лучше мне в голову так и не пришло.

– И он просто явился среди ночи? – удивленно спросила Скай.

Мы шли через школьный двор. Мы никуда не торопились, чтобы насладиться солнцем, которое сияло в голубом небе. Над нами возвышались древние стены школьного здания. Впечатление седой древности не мог смягчить даже солнечный свет, золотивший зубцы крыши.

– Он когда-нибудь делал так раньше?

– Не припоминаю. Ты же знаешь, что он за человек. Работа для папы – это все.

Скай кивнула. С ее отцом дела обстояли так же. Она заботилась о нем куда больше, чем он о ней. Мама Скай умерла, когда та была еще совсем крохой. Это и полная беспомощность ее отца в бытовых вопросах привели к тому, что она чаще вела себя как моя мать, а не подружка-ровесница.

– Ты знала, что профессор Галлахер умер?

– Возможно, мой отец упоминал об этом, – призналась Скай, глядя в сторону. Этот взгляд был мне хорошо знаком. Он говорил, что Скай от меня что-то скрывала. И теперь придется клещами из нее вытягивать информацию. Я сняла школьный пиджак и ослабила узел на галстук. Я была одета слишком тепло, чтобы начинать словесный поединок.

– Ты же знала, что они с бабушкой дружили. Почему ничего не сказала?

Этот вопрос смутил Скай. Она взъерошила волосы и откашлялась.

Я не отступала.

– Что?

– Мне папа тоже не сказал, – пояснила Скай. – Я подслушала разговор по телефону. А потом, когда заговорила об этом, он начал странно вести себя. В любом случае я не должна тебе ничего говорить, пока ведется расследование.

Я замерла и схватила Скай за руку.

– Не понимаю. Профессор был стар. Он умер. Почему это держится в такой тайне и что значит «ведется расследование»?

– Университет не хочет рисковать своей репутацией.

– Что? – Я ощутила, словно блуждаю в темноте. – Поясни, пожалуйста.

– Профессор умер в кампусе. В своем доме, – добавила Скай.

– Везунчик. Я тоже хочу упасть замертво, а не чахнуть годами.

Замерев на месте, Скай окинула меня удивленным взглядом.

– Тебя это уже беспокоит? Продолжительность жизни женщин в нашем поколении составляет 87 лет.

– Хорошая новость. Но я отношусь к этому серьезнее большинства. – Подруге необязательно знать, что я хотела бы умереть на руках Кассиана. Как Джульетта – на руках Ромео или наоборот, я уже подзабыла, кто именно на чьих руках умер.

Скай покачала головой.

– В любом случае профессор умер совершенно неожиданно. Похоже, это часть процедуры, его сначала должны обследовать, – вернулась она к теме нашего разговора.

Я подозрительно посмотрела на подругу, но она не смотрела мне в глаза.

– Ты от меня что-то скрываешь.

Она покачала головой.

– Говори. Что еще ты слышала?

Скай перекинула ремешок сумки через плечо.

– У меня сейчас латынь, а ты спроси своего отца. Если он посчитает нужным, то расскажет тебе. Я уверена, что не все поняла.

– Ты и чего-то не поняла? – прищурившись, я взглянула на подругу. – Разыгрываешь меня? Нет ничего, что ты бы не поняла.

Мой вопрос остался без ответа, потому что позади Скай появился Фрейзер и обнял ее за плечи.

– Как дела, девочки? – поинтересовался он. – Хотите прогулять уроки? Звонок уже прозвенел. Можем пойти поесть мороженое.

Скай стряхнула его руки.

– Забудь об этом. Мне пора. – Она убежала прочь.

– Она от кого-то скрывается? Я обычно оказываю на девушек обратный эффект, – Фрейзер озадаченно смотрел ей вслед.

– Твой отец не упоминал о смерти профессора Галлахера?

Папу Фрейзера недавно назначили начальником полиции Сент-Андруса. Если кто-то и обладал какой-то информацией, то только он.

– Нет. С чего бы смерть древнего профессора должна заинтересовать полицию?

Я пожала плечами.

– Сама не знаю, но Скай говорит, что ведется расследование, что бы это ни значило.

Фрейзер смотрел вслед Скай как влюбленный дурачок.

– Уверен, это стандартная проверка. Ничего особенного не произошло. Должна же полиция чем-то заниматься.

Пожалуй, он прав.

– Вчера вечером мой папа вдруг вернулся домой. Выглядел абсолютно потерянным. Я его таким никогда раньше не видела.

– И это все? – Фрейзер наконец обратил на меня внимание. – А я думал, это вы собирались лететь к нему в Перу. Теперь ничего не получится?

Фрейзер мне страшно завидовал. Сам он никогда не покидал остров, потому что его отец боялся летать.

– Ты меня вообще слушаешь? Наплевать на отпуск. Профессор умер. Он был моему папе как отец. Его это подкосило.

– Что ты мне хочешь сказать? Не понимаю. Профессор мертв, а твой отец вернулся? И в чем проблема? Он же не стал жертвой серийного убийцы?

– Понятия не имею. Надеюсь, что нет. – У меня в голове тревожно зазвенел колокольчик. – А это возможно?

Фрейзер раздраженно посмотрел на меня.

– Не в этом унылом городишке.

В его глазах я увидела *сожаление*. Парень определенно пересмотрел триллеров.

– Все делают из этого тайну, вот и появилось такое ощущение, – попыталась объясниться я. Хотя, возможно, мне было просто скучно. С моего последнего приключения прошло уже довольно много времени.

Фрейзер потянулся за рюкзаком.

– Пойдем, пока не вляпались в неприятности. Не хочу, чтобы мистер Карслоу звонил отцу. Опять он рыскает по двору, – Фрейзер кивнул в сторону школьной стены, возле которой наш старый директор осматривал мусорные контейнеры. С отвращением на лице он вытащил из бочки газету, на которой налипло что-то, вызывающее ассоциацию с жестоким преступлением.

Мистер Карслоу, наш директор, и так терпеть не мог нас с Фрейзером. Как можно быстрее мы помчались в компьютерный класс.

Фрейзер распахнул дверь, когда звонок прозвенел.

– После тебя.

Я грызла кончик ручки и глядела в окно. Никак не получалось сосредоточиться на лекции мистера Бекетта. Во-первых, я и без того едва понимала его объяснение HTML-кода, а во-вторых, изо всех сил старалась не думать о Кассиане. Я отмечала дни, в которые мысль, что существует и другой мир, приходила мне лишь вечером. Стоило признать, что крестиков в моем календаре пока было маловато, но впереди еще вся жизнь. Громко вздохнув, я попыталась сосредоточиться. Безуспешно.

Написав на листке карандашом имя профессора Галлахера, я обвела его в кружок. Рядом отметила Кассандру, папу и отца Скай, мистера Клэнси. Эти три человека знали что-то о смерти профессора. Стрелками я соединила имена. Голос мистера Бекетта звучал фоном, пока я рассматривала получившийся рисунок. Почему меня так взволновала смерть профессора? «Потому что я никогда не видела отца настолько потерянным», – ответила я сама себе. Даже смерть бабушки не так сильно его расстроила. Сегодня утром они с мамой не вышли к завтраку, но из их спальни доносился возбужденный шепот. К сожалению, сквозь толстую дверь я не смогла разобрать ни слова. Не могла же я прижаться к ней ухом и подслушать. Тем не менее я была уверена, что говорили они о профессоре, потому что мамин голос звучал взволнованно.

– Что ты делаешь? – Фрейзер толкнул меня, указав взглядом на имена, которые я записала.

– Думаю.

– Очевидно, не о программировании, – отметил он, указывая ручкой на доску.

– Я хочу выяснить, что здесь не так, – прошептала я. – Только подумай! Профессор уже четыре дня как мертв, но об этом почти никто не знает. Он же был важной шишкой в университете, преподавал там больше сорока лет. В память о нем должны провести какие-то мероприятия.

Фрейзер посмотрел на меня с сомнением.

– Может, ни у кого не было времени все спланировать. Или профессор не хотел поднимать шум.

– Здесь скрыта какая-то тайна, и мне интересно какая, – заупрямилась я.

– Можем после школы сходить в его особняк, – предложил Фрейзер. – Мне все равно нужна кое-какая информация из университета.

– Мне тоже. – Я не сводила глаз с Фрейзера, пока он не начал заговорщицки улыбаться. – Предложим Скай сходить с нами?

– Она попытается нас отговорить, – подтвердил мои опасения Фрейзер. – Скажет, чтобы мы занимались своими делами.

Именно так она и скажет.

– Вообще-то мы лишь хотим оглядеться в университете, да и в гостях у Кассандры мы уже бывали, – попыталась объяснить я.

– Правда? – Фрейзер нахмурился. – Я точно не был. Наоборот. Старался ее избегать, она меня пугает. Однажды я видел, как она протанцевала по студгородку. Клянусь, у нее ноги не касались земли. Я боялся, что она взлетит. Мне тогда было восемь, а я так и не забыл. В нелепом пестром платье она выглядела как гигантский какаду.

– Какаду белый, а не пестрый, – сообщила я парню. Опять он все переврал.

– Правда? А я всегда думал, что он разноцветный.

Я отмахнулась.

– Не имеет значения. Кассандра и мухи не обидит. Когда папа играл с профессором в шахматы, она иногда пекла со мной пироги или мы играли.

– Так ты ее хорошо знаешь? – Фрейзер не отводил от меня восхищенного взгляда, пока я не шлепнула его по руке. Такие шуточки я и сама могла разыграть.

Я покачала головой.

– Мы не виделись уже целую вечность. Не считая случайных встреч в городе. Папа разъезжает по командировкам, да и с профессором они поссорились.

– А причина? Ты в курсе? – спросил Фрейзер и наклонил голову, когда мистер Бекетт бросил на нас хмурый взгляд. – А пикты правда вешали человеческие головы на деревья?

Он тихонько рассмеялся. Я постоянно забывала, что у Фрейзера довольно нездоровые увлечения. С тех пор как я показала ему пиктские символы на своей любимой поляне, он пытался выяснить, действительно ли в жертвенных впадинах, выбитых в камне, приносили в жертву детей.

– Ты и правда дурак. – Я возмущенно посмотрела на Фрейзера, а он слегка толкнул меня извиняясь.

– Дело в его исследовании, – пояснила я. – Папа не был согласен с темой. Вчера он еще и разозлился, поссорился с бабушкой. Профессор Галлахер писал ему письма, но папа не отвечал, – добавила я.

– Профессор же часто заходил к вам в кафе? Я его там видел. – Фрейзер нарисовал маленькую кофейную чашку рядом с именем профессора.

– Думаю, он приходил ради бабушки, она иногда называла его в шутку Индианой Джонсом. В понедельник он принес документы для папы. Хотела бы знать, что там внутри, – размышляла я шепотом. – Папа грозился их сжечь, так что, думаю, там что-то сенсационное.

Фрейзер с трудом подавил смех.

– Ты несправима. Можно подумать, у тебя в жизни мало приключений.

Я тяжело вздохнула.

– Загадочной смерти еще не было.

Что поделать, если я притягиваю все возможные магические происшествия. Ой, ну вот опять, слово на букву «м».

На наш стол посыпался мел, и мы удивленно подняли глаза.

– Я буду крайне признателен, если вы дослушаете мои разъяснения. – Мистер Бекетт был вне себя от злости.

Вздыхнув, я списала с доски всю эту тарабарщину. Что заставило меня пойти на этот курс?

Оставшуюся часть урока я пыталась сосредоточиться, но мыслями постоянно возвращалась к прошлой ночи на нашей кухне. Профессор Галлахер написал книгу об оккультизме? Что папа посчитал таким предосудительным? Я должна это выяснить. Мне не пришло в голову ничего, кроме сатаны и пентаграммы. Но этот добродушный человек был совсем не похож на того, кто будет заниматься такими темными вещами, но, получается, это он и делал.

Глава 3

– Ты ее знаешь лучше, значит, тебе и стучать, – заявил Фрейзер.

Мы стояли перед домом профессора Галлахера, точнее, метрах в пяти от него.

– Да ты трусишь. В бой я вместе с тобой не пойду.

Не то чтобы я собиралась во что-то ввязываться, но никогда не знаешь, что ждет тебя впереди. С моей невезучестью это определенно будет сражение эпического масштаба.

Фрейзер пожал плечами.

– Хорошо еще, что ты такая мелкая. За тобой даже как следует не спрячешься.

Я толкнула его в бок.

– Я предупрежу Скай на твой счет. Защитник из тебя никакой.

– Не смей. – Глаза парня потемнели. – У нее и так не особо хорошее мнение обо мне, не стоит его ухудшать. Пусть пока думает, что я мужественный и храбрый.

– Не уверена, что она когда-нибудь об этом задумывалась, – развеяла я его иллюзии. – На прошлой неделе мы видели тебя с Хелен в кафе-мороженом. Герои не меняют девушек раз в неделю. Они слишком заняты спасением мира.

Хелен была одной из его поклонниц, а мы со Скай их не жаловали. Они смотрели на губы Фрейзера так, будто на них был мед, а они только и ждали, когда же он позволит его слизать. Я отмахнулась от мысли, что могу смотреть на Кассиана так же. Несмотря на слепоту, он ощущал это. Если мы, вопреки моим ожиданиям, снова встретимся, этот взгляд обязательно нужно отключить. Мне следует изменить тактику и напустить на себя неприступный вид. Буду вести себя, как Снежная королева, пусть узнает, каково это, когда тебя держат на расстоянии вытянутой руки. Я даже тайно практиковала взгляд Снежной королевы перед зеркалом. Как правило, он быстро превращался во взгляд лабрадора, ожидающего угощений и ласки. Но у меня все равно получится. В конце концов, это вопрос практики.

– И что? Мы просто разговаривали, – заявил Фрейзер.

Я на мгновение задумалась, прежде чем вспомнила, что мы говорили про Хелен.

– Она тебя за руку держала, – с укоризной ответила я. – Это уже не просто разговоры.

– Она держала мою ладонь, – поправил меня Фрейзер. – Мне в палец попала заноза, а Хелен своими острыми ногтями ее вытащила.

Воспоминание заставило его поморщиться.

– Сами бы увидели, если бы подошли поздороваться. Скай сделала бы все нежнее.

Я сморщила нос. Фрейзер везде найдет повод вспомнить о Скай.

– Скай тебе бы палец отрубила.

– Она бы меня спасла, – добавил он делано равнодушным тоном, но смотрел глазами таксы, на которую случайно наступили.

– От Хелен?

Фрейзер отчаянно закивал.

– Я от нее с трудом избавился. Липнет ко мне как репейник.

– Скажи «нет», когда она подкатит в следующий раз. Ты же не обязан с ней гулять. «Нет» – это очень простое слово, всего три буквы. Нет, нет, нет, – начала напевать я.

– Это не так просто, как тебе кажется. Я все-таки должен быть вежливым и поддерживать репутацию.

Я рассмеялась.

– Мне бы твои проблемы.

Фрейзер привлек меня к себе.

– Я так не думаю, – прошептал он мне на ухо. – Все равно у тебя есть один-единственный, и ему ты «нет» не скажешь.

Вообще-то у нас был молчаливый уговор не говорить ни о Кассиане, ни об эльфах. Я подозревала, что друзья не хотели причинить мне боль, а я не хотела никого доставать. Хватало того, что я о нем постоянно думаю.

– Так кто будет стучать? – я вернулась к тому, с чего мы начали.

– Камень-ножницы-бумага? – предложил Фрейзер, и я пожалала плечами. Почему бы и нет. Я в этой игре небезнадежна. Но, к сожалению, на этот раз я проиграла.

Мы поднялись к темно-синей деревянной двери, с которой уже облезала краска, и уставились на потемневший до черноты дверной молоток. А вот львиная голова была отполирована до блеска. Особняк выглядел довольно ветхим. Окна откровенно намекали, что пора провести генеральную уборку. Ступеньки лестницы были вырезаны так, что я бы не удивилась, если бы профессор упал тут и сломал себе шею. Светлый когда-то фасад так и молил о покраске, не говоря уже о заборе, окружавшем участок. Самшиты и тисы не стригли, наверное, годами.

Я подняла руку, чтобы постучать, но в этот момент дверь распахнулась. Мы с Фрейзером попятнулись, и, не удержав меня, скорее всего, упали бы с лестницы. Я изумленно уставилась на отца.

– Что ты тут делаешь? – нахмурился он. – Разве ты не должна еще быть в школе?

– Ну... – Возможно, это была не самая лучшая идея – прийти сюда именно с Фрейзером. У Скай было бы уже наготове логическое объяснение, а у меня в голове оставалось пусто.

– Мы хотели спросить Кассандру, не нужна ли ей помощь? – Фрейзер бесхитростно смотрел на моего отца. С мамой и бабулей это наверняка бы прокатило.

– Помощь? – Папин взгляд пронзил его насквозь, а затем скользнул по руке, обнимающей меня. Мы вдвоем и правда производили странное впечатление.

– Ну да, она же теперь осталась одна.

Я не могла не оценить мужество Фрейзера. Возможно, мне стоит пересмотреть свое мнение насчет него. Папин взгляд помрачнел. Ладно, я больше никогда не назову Фрейзера трусом.

Только сейчас я заметила Кассандру, появившуюся за спиной отца. На ее лице виднелись следы слез. С нашей последней встречи она очень изменилась. Похудела, а от носа к уголкам рта тянулись ниточки морщин. Хотя она была лет на десять моложе мамы, сейчас она выглядела лет на десять старше. Кассандру не спасал даже пестрый балахон, который она постоянно носила. Темный макияж на глазах поплыл, а губы были искусаны. Хотя на них еще виднелись остатки темно-красной помады.

– Ты умеешь готовить? – спросил папа.

Фрейзер покачал головой, и я закатила глаза. Это же могло стать нашим пропуском в дом. Папа обернулся к Кассандре.

– Тебе что-нибудь нужно? Ты несколько дней не выходила на улицу.

– Корм для кошек, – прошептала она. – И масло, и яйца.

Папа вытащил бумажник и протянул мне пятьдесят фунтов.

– Купите самое необходимое и несите сюда. А я попрошу бабушку приготовить суп для Кассандры.

– Хорошо. Мы постараемся побыстрее, – отозвался Фрейзер.

Я засомневалась, услышал ли папа его слова, потому что дверь за ним уже закрылась. Мы одновременно выдохнули, и Фрейзер отпустил меня.

– Страшновато. Я уж подумал, что твой отец втащит меня в дом и запрет в комнате ужасов.

– Если не поторопимся, так и будет. – Я бросилась бежать и остановилась только у стены, окружавшей кампус. – Могла бы и догадаться, что с ней будет папа. Она же сама ему звонила. Иногда я слишком медленно соображаю.

Фрейзер провел рукой по волосам, и они встали дыбом.

– Тебе не кажется, что вид у Кассандры был жуткий?

– Нет. Мне она показалась печальной. Неудивительно. Отец умер, Кассандра теперь осталась одна.

– У нее больше никого нет? Никаких родственников?

Для Фрейзера это было на грани фантастики. В Сент-Андрусе у него на каждом углу жили дядюшки или тетюшки. Семья Вайльдгузов жила в этом городе с незапамятных времен и росла.

Я покачала головой.

– У профессора не было семьи. – Мои родные порой действовали мне на нервы, но я была счастлива, что они у меня есть. – Я думаю, папа с бабушкой позаботятся о Кассандре.

– Но он же после похорон вернется в Перу.

– Наверняка. Сможет ли Кассандра остаться в особняке?

– Разве он не принадлежал ее отцу? Тогда она должна его унаследовать, – размышлял Фрейзер, пока мы шли через парковку к супермаркету «Скотмид».

– Понятия не имею.

Я взяла небольшую синюю корзинку, и мы сложили в нее яйца, хлеб, корм для кошек и фрукты.

– Чипсы? – спросил Фрейзер.

Я пожала плечами.

– Кажется, она вегетарианка.

– Они не едят чипсы?

– Мне откуда знать? – Я взяла пачку у него из рук и положила на место. – Давай возьмем еще сыр.

– Как скажешь. – Фрейзер скривился от отвращения. – Когда мне грустно, я поглощаю чипсы тоннами.

– Ты и грусть так же совместимы, как вода и пустыня.

– Ты ничего обо мне не знаешь. – Он едва улыбнулся уголками губ. – Это всего лишь фасад, ведь вы, девочки, не любите парней, которые тоже иногда плачут.

– Будь это так, тогда ты как актер только бегал бы туда-сюда и плакал.

Фрейзер ударил меня по руке.

– Ты видишь только то, что хочешь видеть. В глубине души я чуткий.

– Ну... Когда дело касается тебя, – заметила я, потянувшись за кусочком «Аппенцеллера»¹. – На самом деле это относится к каждому моему знакомому парню.

– И каждому эльфу, – прошептал Фрейзер мне на ухо.

Я не могла с ним не согласиться.

– Привет, – раздался голос Скай позади нас.

Мы одновременно обернулись, и я виновато посмотрела на нее. Сама не знаю почему. Ходить с друзьями за покупками не запрещается. Я подняла корзину.

– Мы делаем покупки. Для Кассандры, – запоздало добавила я.

¹ Твердый швейцарский сыр.

– Для Кассандры Галлахер?

– Хм-м, – я перевела взгляд на Фрейзера. – Мы пошли к ней узнать, как у нее дела, а мой папа попросил нас купить кое-что.

– Мы хотели позвать тебя с нами, но у тебя была математика, – наконец пришел мне на помощь Фрейзер.

– А у вас была история, – сказала Скай, прищурившись и оглядывая его. – Мисс Кларк по вам скучала.

Фрейзер почесал затылок.

– Мне ты сказал, что ее отменили. – Я неодобрительно смотрела на него.

– Я не хотел, чтобы ты потом пошла к этой ведьме одна.

– Кассандра не ведьма. Просто немного странная.

– Признай, ты обрадовалась, что я пошел с тобой. Вдвоем веселее. – Фрейзер подмигнул Скай, которая раздраженно закатила глаза.

– Ладно, но прогуливать из-за этого я не хотела.

– Завтра я поговорю с мисс Кларк. Я ей нравлюсь, так что она поймет.

– Почему я не могу так дурачить своих учителей? – задала я риторический вопрос.

– Потому что у тебя не получается состроить такое невинное выражение лица. – Скай развернулась и направилась к кассе. Ой. Кто-то чертовски разозлился.

– Я разберусь, – Фрейзер побежал за ней, а я осталась одна, держа корзину. Теперь мне придется тащить все это к Кассандре.

– Где твой друг? – Отец огляделся, пока я, краснея, стояла перед дверью.

– Он не мой друг, он просто друг, – заявила я. Когда я наконец расплатилась, Скай и Фрейзера уже и след простыл. Сама чуткость.

– Именно это я имел в виду. Ты еще слишком молода, чтобы иметь того самого друга.

– В моем возрасте нормально иметь того самого друга. – Я протолкнулась мимо него и прошла в тускло освещенный коридор.

– Я так не думаю, – пробормотал отец мне в спину, но для разговора на эту тему у меня не было настроения.

В нос ударил затхлый запах, и я принюхалась.

– Что так воняет?

Я огляделась, но в тусклом свете ничего нельзя было разобрать.

Папа пожал плечами.

– Не представляю. Не удивлюсь, если тут где-то валяетсядохлая кошка.

Я в шоке уставилась на него.

– Я пошутил, – успокоил меня отец.

– Раньше у тебя были шутки получше. – Я прошла на кухню и покачала головой, увидев царивший там хаос. Я не отличалась особой аккуратностью, но тут будто бомбу взорвали. В раковине громоздилась посуда, на столе лежала куча раскрытых книг. Ящики выдвинуты, дверцы шкафчиков распахнуты. На полу валялась куча всякого хлама. Ручки, батарейки, квитанции и скрепки лежали среди панировочных сухарей и остатков еды, которую я даже не могла определить. Несколько цветов, украшавших подоконник, засохли, а клетчатые занавески висели криво. Я не помню, чтобы в доме царила идеальная чистота, но все-таки всегда было прибрано. Такая уютная барахолка, если определять стиль.

Поставив пакет на пол, я прошла в комнату. Вид у нее был еще более запущенный. Здесь находилось по меньшей мере пять кошек, которые, увидев меня, замаякали. Кассандра сидела в центре комнаты, держа на коленях кота цвета ржавчины. Казалось, беспорядок ее нисколько не беспокоил, впрочем, как и зловоние. Я подошла к двери на террасу и, отдернув тяжелые шторы, распахнула ее. Комнату наполнил свежий, прохладный воздух, а свет рассеял темные тени по

углам. Я даже не успела заметить, как быстро кошки шмыгнули на улицу. Только рыжий кот сидел на коленях Кассанды, мурлыкал, позволяя себя гладить.

Пораженная, я обернулась к папе.

– Что произошло? Кажется, тут прошла битва. Как здесь можно жить?

Я шептала, но даже если бы заговорила в полный голос, Кассандра меня вряд ли бы услышала. Она сидела на диване, покачиваясь и напевая. До сих пор я видела такое только в фильмах, и в жизни это выглядело довольно пугающе.

– Ее состояние гораздо хуже, чем я думал. Интересно, почему профессор не пошел с ней к врачу. Очевидно, что ей нужна помощь профессионала.

– Ты вообще никаких лекарств не нашел?

Я чувствовала себя настолько неудобно, что хотелось сбежать, но нельзя же оставлять здесь папу одного. Я осторожно перешагнула через книги, разбросанные на полу.

– Может, она забыла их принять. Такое вполне возможно. Она же в состоянии шока. Что будем делать теперь?

Папа беспомощно пожал плечами. Возможно, он был отличным археологом, но опыта в общении с людьми ему явно не хватало, особенно с больными людьми. На его лице читалось, что ему некомфортно. В дверь постучали. Папа глубоко вздохнул и пошел открывать, я последовала за ним. Ни при каких обстоятельствах не хотела оставаться наедине с Кассандрой, которая начала тянуть себя за волосы и тихонько петь. В дверях стояла бабушка с горшком в руках, и меня охватило облегчение. Она точно знала, что делать.

– Где она? – как всегда решительно спросила бабушка. Никто бы и не подумал, что она страдает из-за смерти профессора. Ее выдавали лишь темные круги под глазами, но в остальном все было как обычно.

– В гостиной, но она будто не здесь, – пояснила я. – Ей нужно к врачу или в больницу. Точно не знаю.

Бабушка успокаивающе погладила меня по щеке.

– Бедный ребенок. Кассандра страдала, потеряв мать, но она была куда сильнее привязана к отцу.

Только бабушка могла называть женщину за тридцать ребенком.

Бабуля поставила горшок на кухню и прошла в гостиную. Она села рядом с Кассандрой и заговорила с ней тихим ободряющим тоном. Спустя некоторое время пение и покачивание прекратились. Бабушка убрала растрепанные волосы со лба Кассандры.

– Я отведу тебя наверх, ты примешь душ и вымоешь голову, – проинструктировала ее бабуля и дождалась ответного кивка. – Сама увидишь, после этого тебе станет лучше. А мы здесь немного приберемся.

Кассандра снова кивнула. Взявшись за руки, они пошли к лестнице, а я смотрела им вслед с открытым ртом. Бабушка ее действительно успокоила, и я надеялась, что Кассандра останется в таком состоянии какое-то время.

Вернувшись, бабушка прошла на кухню, надела фартук и принялась за работу. Похоже, она была уверена, что Кассандра справится самостоятельно. Я взглянула на потолок, слышалось, как по старым трубам ровно бежит вода. Мне ничего не оставалось, кроме как помочь бабуле, пока папа наводил порядок в гостиной. Я сгребла кучу битого фаофора в корзину и поставила научные труды обратно на полки. В любом другом доме было бы странно видеть их на кухне, но здесь книжные полки занимали каждый дюйм стен. Пока я подметала полы на кухне и в коридоре, папа в гостиной орудовал пылесосом. Никто из нас не входил в кабинет, хотя я не удержалась от искушения и нажала на дверную ручку. Как и ожидалось, комната была заперта. Напоследок я сполоснула кошачьи миски и наполнила их кормом. Будто учуяв запах, кошки на мягких лапках проскользнули обратно в дом и с возбужденным мурлыканьем сновали у меня под ногами.

Позже Кассандра спустилась по лестнице и опустилась на диван. Она заплела косу и сразу стала выглядеть моложе. Надела свежий балахон, на шее у нее звенела цепочка. Она не возражала против нашей уборки, но и не помогала устранять этот хаос. Она оставалась в своем мире. Только когда бабушка присела рядом с ней и взяла за руку, Кассандра пришла в себя.

– Тебе нужно поесть. Я приготовила суп.

Кассандра посмотрела на бабулю.

– Перловый?

Бабушка кивнула.

– По рецепту твоей мамы.

– Его всегда папа готовит, – откликнулась Кассандра. – Ты же знаешь, как он по ней скучает?

Я задрожала, поняв, что она говорит об отце как о живом.

– Можешь сказать мне, получилось ли у меня так же вкусно, как у него, – мягко предложила бабушка.

Кассандра подошла к чисто вымытому кухонному столу. На тарелках были щербинки, а столовое серебро потускнело, но ничего другого я не нашла. По всей видимости, ни профессора, ни Кассандру такие бытовые вопросы не волновали.

По крайней мере, Кассандра съела суп и похвалила бабушкину стряпню. Щеки у нее порозовели, да и в целом она уже выглядела лучше. Никто из нас не упоминал о смерти ее отца. С бабушкой папа обсудил погоду, а меня спросил о школе. Мне было неловко, хотя они с бабушкой, подшучивая, пытались сохранить видимость обычного ужина. Почему-то мне показалось, что сегодня стемнело гораздо быстрее, чем обычно. В комнате царили чистота и порядок, но уюта не чувствовалось. Я проверила мобильник. Фрейзер прислал голосовое сообщение, но прослушать его я не осмелилась. Папа терпеть не мог, когда за столом доставали телефоны.

– Тебе пора идти, – окликнул он меня через некоторое время. – Иначе будет уже поздно, а тебе еще уроки делать.

– А как же вы? – растерянно спросила я.

Мысль о прогулке по кампусу в одиночестве меня не радовала, хотя я сама не могла объяснить почему. Что-то витало в воздухе, но, по-видимому, ощущала это только я, а может, мне казалось.

– Я хочу еще просмотреть несколько материалов Эндрю.

Раньше отец всегда называл его «профессор», поэтому произнесенное им имя казалось странно чужим.

Я кивнула, все равно возражать было бессмысленно, попрощалась с Кассандрой и схватила сумку. Папа проводил меня до двери. Он вкрутил лампочку в старинный светильник, свисавший с потолка. И теперь дом не выглядел таким мрачным.

– Здесь он умер? – я указала на дверь в кабинет, которую мы миновали.

Папа кивнул и достал из заднего кармана ключ.

– Я запер дверь, чтобы Кассандра туда не заходила. – Он обернулся в сторону кухни. – Ей было очень непросто, когда она его там обнаружила.

Не успела я спросить, позволит ли он мне заглянуть внутрь, как папа вытолкнул меня на улицу.

– Иди прямо домой, ясно? Как закончишь с домашней работой, помоги маме в кафе.

Я промолчала, что мне еще нужно время на подготовку к экзаменам, и зашагала к дому. На свежем воздухе я с облегчением выдохнула и достала телефон, чтобы прослушать сообщение от Фрейзера.

– Я у Скай. Ты придешь?

Я удивленно нахмурилась. Моя подруга не разговаривала с ним уже три недели и вдруг позвала домой? Судя по всему, Фрейзеру снова удалось обвести ее вокруг пальца. С одной стороны, я обещала помочь маме, но с другой – я же подросток. У меня есть право провести пару часов с друзьями и устроить небольшой бунт.

– Ну и во что ты опять вляпалась? – раздался хорошо знакомый голос, и на секунду у меня остановилось сердце.

Подняв голову, я увидела Квирина, который свисал с ветки дерева и жевал травинку. По моему лицу тут же расплылась улыбка.

– Неужели?

Так хотелось стащить его вниз и обнять. Но тролль не очень любил демонстрацию чувств.

– Ты что, совсем ничего не понимаешь? Как можно быть такой слепой?

– Понятия не имею, о чем ты говоришь.

– Магия. Я говорю о магии. Неужели не чувствуешь? Она растет день ото дня.

Я смотрела на Квирина в полном недоумении. Мне хотелось порадоваться его возвращению, но серьезное выражение его лица заставляло меня волноваться. Наверняка он все преувеличил.

– Ты в последнее время скрытничаешь, как Кассиан? Я могу вообще не говорить о магии.

– Радуйся, что он отправил меня за тобой присматривать. Иначе ты опять вляпаешься в неприятности. Не знаю никого...

– Он тебя... отправил? – перебила я тролля.

Я произнесла это с запинкой, в то время как сердце колотилось от счастья.

– Мило с его стороны, – добавила я подчеркнуто небрежно, хотя на самом деле мне хотелось петь.

Квирин приподнял густые брови.

– Поверь, он был совсем не мил, выталкивая меня к тебе. Он был в ярости.

– Но почему... – пробормотала я. – Я не понимаю...

– Как обычно, – Квирин сморщил маленький носик и сложил руки на груди.

– Что ты подразумеваешь под магией? Тут нет ничего волшебного. Ни капельки. И откуда он знает, что здесь происходит?

– Об этом придется спросить у него самого. Мне поручили только передать, чтобы ты не лезла в это дело и держалась подальше от этого дома. Для твоего же блага, поверь.

Квирин вскочил на верхние ветки дерева и исчез из моего поля зрения.

Но троллю не удалось так легко от меня отделаться. Не оставлю его в покое, тем более после того, как я неделями не получала никаких вестей из мира эльфов.

– Подожди минутку! – крикнула я ему вслед. – Ты не можешь меня так бросить. Как мне его спросить? – Я уперла руки в бока. – Кассиан тут ни разу не появился. Я его несколько недель не видела. И вообще, я от вас целую вечность ничего не слышала.

Мой голос звучал с бóльшим упреком, чем мне хотелось.

– Ни одного проклятого письма, ничего подобного, – мой голос стал приглушенным. – Кассиан не отвечает. Как будто его вообще никогда не существовало. – Слезы жгли глаза. – Он, наверное, попал в сети Опал, да? Или просто забыл обо мне.

Делиться своими чувствами с троллем было ужасно. Но мне ничего не оставалось.

– Так будет лучше для всех заинтересованных сторон. – Квирин снова повис у меня перед носом. Я так увлеклась, что даже не заметила, как он вернулся. – Береги себя, Элиза. Не стоит из-за него плакать. Слезы тебя не красят, да и полно других парней на белом свете. Выбери себе человеческого мальчика.

В последних словах Квирина звучала жалость. Он взмыл на верхушку дерева и исчез окончательно.

– Останься, Квирин. Ты должен объяснить мне причину! – воскликнула я в порыве гнева и топнула ногой. – Нельзя так уходить. Что ты имеешь в виду под магией?

Но тролль не вернулся. О чем он вообще думал? Никто не разрешал ему так со мной обращаться. Глаза тут же наполнились слезами. Я смахнула их со щек и побежала по темнеющим улочкам Сент-Андруса. Теперь у меня действительно был повод поговорить с Фрейзером и Скай.

«Магия», – раздался голос Квирина у меня в голове.

От чего мне нужно держаться подальше? Что знал об этом Кассиан? Зачем он отправил сюда Квирина? Сердце бешено заколотилось в груди, когда я поняла, что Кассиан заботится обо мне. Мы только что говорили о моей безопасности. Пожалуй, мне следовало разволноваться, но я была в состоянии злостливости. Знаю, такого слова не существует, но я придумала его, чтобы описать свое состояние. Злая, потому что Кассиан послал ко мне Квирина, и счастливая, потому что он волновался обо мне.

То, что Кассиан знал о происходящем, означало, что он наблюдает за мной. Он приглядывал за мной, потому что я для него кое-что значила. Кассиану вовсе не было на меня наплевать, как он хотел заставить меня поверить. Ну ладно. Я бы предпочла, чтобы он навещал меня время от времени, но это только начало. Кассиан не забыл меня. Я была для него важна. Или я преувеличиваю?

Мне в голову пришла мысль столь же невозможная, насколько и заманчивая. Что, если я заставлю его поволноваться чуть больше? Что, если разберусь в деле, от которого мне нужно держаться подальше? Пока я знала лишь то, что профессор умер неожиданно. И странной была очень острая реакция Кассандры на случившееся.

Но если в дело вмешалась магия, это могло означать, что профессор умер совсем не из-за слабого сердца. Но как может обычный человек соприкоснуться с магией? Дурацкий вопрос. Еще год назад я тоже была самой обычной девушкой. Потом Ларимар заманила меня в Лейлин, город эльфов, и я встретила троллей, эльфов, кентавров и множество других волшебных существ. Может, с профессором случилось нечто подобное. Я пошла медленнее, пытаясь вспомнить историю, которую мне рассказывала бабуля о своей подруге. Но там она по ошибке ступила в ведьмин круг. Ей явился эльф, в которого она влюбилась без памяти. Я с трудом могла представить, что профессор мог попасться в такую ловушку. Или с этим как-то связаны его интерес к оккультизму и долгие беседы с бабушкой? Неужели он наткнулся на что-то, не предназначенное для его глаз? Что бы это могло быть? Я точно хочу об этом знать? Я уже пережила пару приключений. В отличие от второго, первое было невинным. В этот раз все могло оказаться еще хуже. Кассиану ничего не оставалось, как появиться и спасти меня. Или? Кассиан был мне обязан. Без меня он бы в конце концов стал жертвой сирены и утонул.

Я была готова петь от счастья, но для этого здесь было слишком многолюдно. Придется сдержаться и оставить эмоции при себе.

– Он тебя предостерегал? – Скай смотрела на меня с испугом.

– Ну да, – отмахнулась я. – Но главное то, что его отправил Кассиан. Он беспокоится обо мне.

Во взгляде Скай появилось сомнение, а развалившийся на ее кровати Фрейзер усмехнулся.

– Хоть раз скажи что-нибудь разумное! – рявкнула подруга. – Если тут замешана магия, Элизе стоит прислушаться к совету Квирина и не лезть в это дело.

– Точно. – Фрейзер попытался принять серьезный вид. – Хотя мне было бы интересно узнать, что имел в виду тролль. Фраза «тут замешана магия» звучит очень круто. До сих пор все веселье доставалось одной Элизе, а мы смотрели со стороны. У нас появилась уникальная

возможность... – Фрейзер не стал развивать мысль, потому что Скай смотрела так, будто сейчас свернет ему шею. – Я хочу сказать, чисто теоретически.

– Я бы тоже хотела это выяснить. – Я не обратила на Скай внимания. – Нельзя просто так разбрасываться загадочными намеками. Это нечестно.

– Согласен. Только не после того, как Элиза помогла им вернуть королеву. Она этого не заслужила. – Наконец Фрейзер встал на мою сторону.

– Но что он имел в виду? – Я смотрела на Скай.

Из нас троих она была самой разумной, но она терпеть не могла, когда что-то ускользало от ее понимания. Я бы очень сильно удивилась, если бы мы не смогли убедить ее разгадать эту головоломку.

– Он интересовался оккультизмом и экстрасенсорными вещами. Может, тут мы найдем зацепку.

– Я не собираюсь строить догадки. – Скай вместе с креслом повернулась к столу и торопливо застучала по клавишам ноутбука. Теперь мы видели только ее спину.

Мы с Фрейзером переглянулись. Я видела, что он думает о том же, о чем и я. К сегодняшнему вечеру Скай подготовит список вариантов, а послезавтра наверняка представит целую папку с теориями. В этом была вся она. Стоило какой-нибудь проблеме замаячить на горизонте, она тут же приступала к ее изучению. Скай читала всю информацию по соответствующей теме и ломала голову, пока не находила решение. Было не очень хорошо так играть на ее слабости, но, к сожалению, она не оставила нам другого выбора.

– Ну ладно. Мне пора. – Фрейзер встал с кровати. – Спасибо, что помогла мне.

Скай обернулась, и я изумленно переводила взгляд с нее на Фрейзера.

– Он кое-что не понял по истории, – резко ответила подруга на мой невысказанный вопрос.

– Я пойду с тобой, – обратилась я к Фрейзеру, проигнорировав оправдание Скай. – Папа думает, что я поехала прямо домой.

Скай проводила нас до двери.

– Будьте осторожны, – предостерегала она скорее меня, чем Фрейзера. – К предостережению Квирина лучше отнестись всерьез.

Я сглотнула. Она была совершенно права. Надо подготовиться. Раньше для защиты бабушка втыкала толстую иглку в подкладку моей куртки. Она мне ни разу не пригодилась, но с ней я чувствовала себя спокойнее.

– Я провожу Элизу до остановки и посажу на автобус, – пообещал Фрейзер.

Скай с благодарностью посмотрела на него. Я нахмурилась при виде его восторженного лица. Ради еще одного такого взгляда Скай он, пожалуй, меня на руках домой понесет.

В молчании мы шли к автобусной остановке.

– История? – спросила я через некоторое время. – Ты на предварительном экзамене получил «отлично».

У Фрейзера, по крайней мере, хватило такта принять сокрушенный вид.

– Скай об этом не знает.

– Она же будет в ярости, если узнает, что ты сыграл на ее доброте.

– Значит, с твоей стороны будет очень мило об этом помалкивать. Если бы Скай просто пошла со мной на свидание, не пришлось бы прибегать к таким уловкам. Но она меня не слышит.

Я кивнула. В конце концов, я же не рассказала родителям про свою тройку. Перед нами остановился автобус, и двери открылись. Фрейзер стоял на остановке, пока двери не закрылись, и мы не поехали. К роли защитника он относился очень серьезно. Меня это вполне устраивало.

Глава 4

Впереди уже маячили выпускные экзамены, и, хотя я не могла дождаться окончания школы, мне хотелось, чтобы время остановилось. Вся бесполезная информация, которую мне было нужно выучить, уже не умещалась у меня в голове. Но если осенью я хочу поступить в Стерлинг, мне нужны только пятерки и четверки. Хотя о пятерке по истории я могла только мечтать. Я никогда не забивала голову цифрами и родословными, поэтому даже предварительный экзамен оказался катастрофой. Но, в конце концов, не могла же я знать, что какой-то придурок выберет в качестве темы охоту на ведьм во времена Якова I. Я повернулась на другой бок, прекрасно понимая, что, если не хочу опоздать, пора вставать.

Я натянула одеяло на голову. Еще пять минуточек. Потом только умоюсь, да и краситься мне не нужно. Я ни на кого не собиралась производить впечатление. Перед глазами тут же возник образ Кассиана. Как и следовало ожидать, он смотрел на меня осуждающе. Идея сделать так, чтобы он забеспокоился обо мне и ему пришлось бы встретиться со мной, нравилась мне все больше. Было бы забавно, если бы удалось выманить его сюда.

Отправить Квирина в качестве посыльного – нет! – я возмущенно выдохнула и села. Парень туго соображал! Эльфы мне кое-что задолжали. Впрочем, едва ли я могла требовать Кассиана в качестве награды. Как-то неловко. Не настолько я отчаялась. Хотя и такой вариант я тоже обдумывала.

Зайдя на кухню, я увидела, что мама с бабушкой сидят со склоненными головами. Мамины волосы торчали во все стороны, и я не особо хотела знать почему. Занавеска на двери в сад развевалась на свежем ветру.

– Ты поговорила с Кассандрой? – поинтересовалась мама у бабушки, пока я перемешивала измельченные мюсли у себя в миске. Пока она смотрела в другую сторону, я насыпала туда две ложки сахара и потом добавила молоко. Это был единственный способ заполучить на завтрак что-то сладкое. Затем я прислушалась.

– Она едва проронила пару слов, – бабушка понизила голос. – Я помыла посуду, а они со Стивеном исчезли в кабинете, – она вздрогнула. – У меня не было никакого желания туда заходить. Я отрицательную ауру даже сквозь дверь ощущала.

– Разве тебе неинтересно, вдруг ты там что-нибудь смогла бы увидеть? – Я сама не знала, что имела в виду. Слова Квирина не шли у меня из головы. Раз дело касалось магии, бабушка что-то почувствовала. Объяснить иначе ее слова про ауру я не могла.

Мама с бабушкой обернулись и уставились на меня.

Ой. Я что, сказала это вслух? Я виновато улыбнулась и быстро встала.

– Мюсли были вкусные, – попыталась я исправить ошибку.

– Потому что ты бухнула туда половину сахарницы, – с укором заявила мама.

– В моем возрасте необходимы пустые углеводы. Это жизненно важно, – на прощание я поцеловала их с бабушкой.

Идя к велосипеду, я думала, не вырастают ли у матерей глаза на затылке после рождения первого ребенка. Другого объяснения, почему она все видит, я не находила.

Похороны дедушки были первыми и последними, на которых я побывала. В памяти остались запах цветов и лицо бабушки. Запах – потому что он казался таким затхлым, а бабулино лицо – потому что по цвету оно совпадало с белым постаментом, на котором стоял дедушкин гроб. Меня это напугало. Так что я не особо хотела испытать это снова и не понимала, почему папа настоял, чтобы мы пошли вместе с ним. Должно быть, большую роль в этом сыграло чувство вины, которое испытывал папа, хотя я считала несправедливым, что мы должны за это расплачиваться. Мы с мамой. Папа попросил ее устроить после похорон поминки с кофе. Для мамы это означало кучу дополнительной работы, но она, разумеется, согласилась выполнить его просьбу. Хотя я понимала, что проводить поминки в доме профессора невозможно. К счастью, Фрейзер со Скай пообещали прийти и помочь.

Я надела черную юбку от школьной формы и на белую блузку натянула черный свитер. Мы с Финном быстро шли через кладбище, опаздывая. Дверь церкви, в которой проходило отпевание, была уже закрыта. Хотя на улице было по-весеннему тепло, железная ручка под моими пальцами казалась ледяной. Когда мы с Финном, объединив усилия, открыли дверь, она громко скрипнула в тишине.

Я опустила голову и, не глядя по сторонам, торопливо зашагала по проходу. Финн держался позади меня.

Я втиснулась на скамейку рядом с бабушкой. На ней была шляпка с черной вуалью, закрывающей лицо до кончика носа. На похороны дедушки она надевала такую же. В руке она держала белый носовой платок, которым постоянно промокала глаза. Другой рукой сжимала ладонь Кассандры. С совершенно прямой спиной та сидела между бабулей и папой. Лицо у нее казалось застывшим, как у маски. Для церковной церемонии Кассандра надела не цветастый балахон, а черное платье. В нем девушка выглядела тоненькой и маленькой, будто марионетка.

Даже не глядя, я почувствовала, что отец недоволен нашим опозданием. К счастью, в этот момент заиграл орган, и началась молитва.

Похороны производили странное впечатление. Столько людей собралось попрощаться с кем-то, с кем они были едва знакомы или не знали совсем. Церковь оказалась переполнена, хотя профессор Галлахер не был особо общительным человеком. Я предположила, что большинство присутствующих являлись его коллегами по университету или бывшими студентами. Я постаралась оглядеться, пришедшие сохраняли серьезные лица. Пастор восторженно говорил о покойном, а Кассандра сидела на самом краю скамьи, будто хотела вскочить и убежать. Мне стало ее жаль. Несмотря на то что так много людей пришли отдать дань уважения ее отцу, Кассандра казалась потерянной. Когда речь подошла к концу, я облегченно выдохнула, и мы пошли за гробом к месту упокоения.

На скучно-голубом небе сияло солнце. Наперебой щебетали птицы, будто хотели посмеяться над скорбящими. Пахло свежескошенной травой, цветами и весной. Я очень надеялась, что все скоро закончится. Находясь здесь, я чувствовала себя лицемеркой. В конце концов, скорбеть у меня совершенно не получалось. Ладно, может, только чуть-чуть. Профессор Галлахер был милым, и мне он нравился как человек, который давно стал частью моей жизни. Мы окружили могилу, пока гроб опускали в темную землю. Кассандра рыдала. С каждой минутой ощущение неловкости только усиливалось. Я с недовольством смотрела на Финна, который переносил все стоически. Почему мне досталось так мало его генов?

Шею начало покалывать, будто под косою у меня застряло насекомое. Я осторожно провела рукой по этому месту, но... ничего не почувствовала. К счастью. Тем не менее покалывание усилилось, ощущения изменились, кожа будто горела. Это определенно не было плодом моего воображения. Я огляделась. Может, Квирин висел на ветке и наблюдал за мной? Но тролля нигде не оказалось, зато я увидела парня моего возраста, который со скучающим видом стоял, прислонившись к стене, окружавшей кладбище. Волосы у него были цвета блек-

лого кирпича. Знакомый профессора? Я заметила, что его лицо слегка грубое, чтобы считаться красивым, а нос, похоже, ломали не один раз. Из-за аккуратно выщипанных бровей он чем-то напоминал кота. Рядом с ним стоял мужчина. Скорее всего, он был ровесником моего отца, но выглядел экстравагантно. Как и у парня, у него были необыкновенно длинные волосы. Тщательно причесанные, они лежали так, что его лицо оказывалось скрыто от любопытных взглядов. Они были практически одного роста, но парень выглядел гораздо мускулистее. Их одежда выделялась. Несмотря на теплую погоду, они кутались в черные пальто со странными заостренными воротниками. Мне даже стало любопытно, откуда такая мода. Серые глаза следили за мной. Парень насмешливо приподнял брови цвета меди. Я смутилась. На него, наверное, пялились постоянно. Бесспорно, он выглядел интересно, не так хорошо, как Кассиан, но интригующе. Я перевела взгляд на мужчину, надеясь, что румянец на моих щеках не так заметен. Посмотреть на него оказалось худшим решением. Его черный взгляд приковал меня к месту, и я затаила дыхание. Сердце начало биться чаще, а глаза распахнулись. Невозможно, но я была уверена на все сто процентов. Эти глаза я видела во сне. Не хватало только жуткого голоса. Я попыталась отвернуться, но мне не удалось. Мужчина прервал наш зрительный контакт, только когда меня толкнул Финн. У меня создалось ощущение, будто кукольник отложил марионетку в сторону. Мне не хватало воздуха.

– Все в порядке? – обеспокоенно поинтересовался брат. – Ты издавала странные звуки.

– Правда? – Я сглотнула. – Ты их знаешь?

Я указала на то место, где стояли двое незнакомцев, – но они исчезли. Я оглядела скорбящих, которые проходили мимо Кассандры, чтобы выразить соболезнования, но эта парочка растворилась в воздухе.

Финн нахмурился.

– Никого нет.

– Я вижу, но там только что стояли парень с женщиной. Я их здесь раньше никогда не видела.

– Наверное, коллеги из университета. Похоже, сегодня сюда пришли все. А некоторые, возможно, учились у него, – заявил Финн.

Я еще раз оглядела толпу, окружившую Кассандру.

– Надеюсь, тортов хватит.

Финн тихонько рассмеялся.

– Конечно. В конце концов, мама же профессионал.

Брат оказался прав. С помощью Фрейзера и Скай мама все подготовила. Столы ломились под тяжестью пирожных и тортов. Мрачное настроение, царившее на кладбище, исчезло и растворилось в болтовне под кофе с выпечкой. Я часто это замечала. Похороны теперь скорее напоминали встречу выпускников. Многие из присутствующих смогли наконец встретиться годы спустя и обменяться приятными воспоминаниями. Может, это лучше, чем думать о смерти. Сегодня у меня выдался день философских рассуждений.

Я торопливо записала в рот маффин, прежде чем принести кофейник со свежим кофе и начать обходить гостей, наполняя их чашки. Я высматривала мужчину с темными глазами из своего сна. Продолжая думать о случившемся, я решила, что слишком остро отреагировала. Люди из снов не появляются в реальности. К счастью, ни его, ни его спутника я нигде не обнаружила. Так что раздала чай и кофе, собрала грязную посуду и немного расслабилась. Спустя некоторое время я поняла, что, если мама продолжит в том же духе, гости не уйдут никогда. Многие устроились так уютно, что я испугалась, вдруг они попросят остаться переночевать. Бабушка уже поставила разогреваться огромную кастрюлю с перловым супом, который они успели приготовить. На всякий случай, как сказала мама. Запах, который витал в кафе, заставлял людей поудобнее устраиваться среди цветастых подушек.

Зайдя на кухню в очередной раз, я увидела там Кассандру. Перед ней стояла тарелка с куском торта, к которому она даже не прикоснулась. Я поставила пустой кофейник рядом с раковиной.

– Можешь немножко с ней побыть? – спросила мама. – Мне нужно в туалет, но я не хочу оставлять ее одну.

Я кивнула и села за стол рядом с Кассандрой, хотя и чувствовала себя тревожно.

Она выглядела совершенно потерянной. Я понятия не имела, что сказать. Это было больше по части Скай. Из нас двоих чуткостью отличалась она, но подруга сейчас играла на пианино в кафе. Звучала «Лунная соната» Бетховена. Мама благодарно улыбнулась и оставила нас одних. Надеюсь, это не займет много времени.

– Как дела? – спросила я, не ожидая ответа. Губы Кассандры были такими же бледными, как и щеки. Тусклые волосы закрывали лоб.

К моему удивлению она повернулась и печально улыбнулась.

– Я бы хотела с ним попрощаться.

У меня по спине побежали мурашки.

– Он сейчас с мамой, – глаза Кассандры лихорадочно заблестели. – Он всегда этого хотел. Я не могла помочь ему попасть к ней. Я пыталась, но не смогла ему помочь. Не смогла помочь...

Я кивнула, не зная, что на это ответить. Ее речь показалась мне очень странной. Что бы это ни значило, я ничего не понимала.

Кассандра замолчала и начала раскачиваться. Я осторожно погладила ее по руке. Это требовалось прекратить, со стороны ее раскачивания выглядели безумно.

– Я уверена, он знал, как сильно ты его любила, – прошептала я неуверенно.

– Я должна отдать тебе шкатулку, – она обратилась ко мне так внезапно, что я отпрянула. Взгляд Кассандры был ясным, когда она схватила меня за руку. Покачивание прекратилось.

– Я должна была пообещать, что отдам ее тебе, когда ему... придется уйти. У меня теперь она не в безопасности, – ее голос стал высоким, в нем слышалась паника. – Они не должны ее найти.

– Что за шкатулка?

– Он хорошо ее спрятал. Они ее не нашли. Не нашли, – она крепко вцепилась в меня. – В документах сказано, что тебе нужно делать. Читай внимательно, – настойчиво продолжала она. – У нас не так много времени... Время.

Взгляд Кассандры устремился в пустоту.

В кухню вернулась мама. Она преодолела расстояние от двери в два шага и взяла ее за руки.

– Шшш, Касси. Все хорошо, не беспокойся. Что произошло? – задала она вопрос одними губами.

Я беспомощно пожала плечами.

Мама взглянула на меня, намекая, что пора браться за работу, но я и не собиралась оставаться на кухне. Я встала и отправилась искать папу.

Но его не оказалось ни в кафе, ни в гостиной. Фрейзер, разливавший суп по мискам, лишь покачал головой.

Тогда я поднялась по лестнице в его кабинет. Я осторожно постучала и, не получив ответа, нажала на ручку.

Папа стоял спиной к двери и смотрел в окно. На его столе лежали фотографии и документы. Стоило мне войти, он обернулся и начал собирать бумаги.

– Что ты хочешь? – рявкнул он.

Меня так поразил его тон, что я не смогла произнести ни слова.

Папа никогда так со мной не разговаривал. Это была мамина обязанность. Я задумалась, не зайти ли к нему позже, но потом откашлялась.

– Это документы профессора? – указала я на бумаги на столе.

– Тебя это не касается.

Чудесно. Куда же подевался мой папа? Во всяком случае, здесь находился незнакомец.

– Касси говорит, там есть что-то, что мне нужно знать.

Меня было не так легко сбить с курса. Папа выглядел уставшим, и я вдруг ощутила угрызения совести. Похоже, эта ситуация сильно его вымотала.

– Старый дурак, – пробормотал он себе под нос, провел рукой по волосам и задумчиво уставился в стену. – Он не смог отпустить это. После выхода на пенсию ему стоило сосредоточиться на выращивании роз. Так было бы лучше и для него, и для Кассандры.

Мое воображение тут же нарисовало профессора в шляпе, фартуке и с секатором в его заброшенном саду. Он плохо вписывался туда.

– Ты так ему и сказал два года назад? – Я прислонилась к косяку двери. – Из-за этого вы больше не общались?

Папа смотрел на меня с таким удивлением, будто видел впервые в жизни.

– Куда делась моя девочка?

– Она выросла, – предположила я.

– А я это пропустил, да? – Вид у папы был подавленный. – Мне жаль. Нужно было больше заботиться о тебе.

– Теперь все в порядке, – попыталась я утешить, хоть и не могла избавиться от угрызений совести. Работа для него всегда была важнее нас, но я его в этом не винила. Мир за пределами Сент-Андруса куда интереснее.

– Расскажешь мне, что в них?

– Тебя это не касается. Только меня и профессора Галлахера. Не хочу тебя этим нагружать.

– Кассандра сказала мне что-то странное про шкатулку и попросила прочитать бумаги, – я смущенно потеряла переносицу. – Впечатление, будто профессор ожидал, что с ним что-то случится.

Папа попытался сделать вид, что все в порядке, но я заметила, как он побледнел.

– В его смерти есть что-то подозрительное?

Папа окинул меня недоверчивым взглядом.

– Нет, конечно, нет. – Он замолчал и на мгновение задумался. – Не беспокойся об этом. Кассандра немного запуталась. Ты же знаешь, что она за человек. Эти бумаги касаются только его работы. Ничего интересного.

– Может, это как-то связано с его интересом к оккультизму? – Я оттолкнулась от двери и подошла ближе.

Папа попытался быстро запихать бумаги в ящик стола.

– Это касается результатов его исследований. Не хочется признавать, но некоторые его соображения удивительны. Не думал, что профессор собрал столько материалов. – Папа так усердно пытался спрятать от меня бумаги, что очки соскользнули у него с носа. – Он искал волшебные места. Был одержим этим. Но данная тема не вписывается в научный взгляд на мир. Он не раз выставлял себя на посмешище.

У меня в голове раздался сигнал тревоги.

– Волшебные места?

Папа фальшиво рассмеялся.

– Полнейший бред. Я бы предпочел, чтобы он сжег все это, вместо того чтобы отдавать мне. Поставил меня в безвыходную ситуацию.

Снаружи солнце спряталось за облаком, и пылинки, танцевавшие в солнечных лучах, исчезли.

– Будет дождь. – Папа закончил наш разговор. – Надо помочь твоей маме прибраться.

Придется вернуться к этой теме позже. Я решила не отступать. Профессор Галлахер изучал волшебные места. Не об этой ли магии говорил Квирин? А вдруг профессор случайно наткнулся на такое место? Такое вообще возможно?

Я с удивлением смотрела, как папа запер дверь и нажал на ручку, проверяя. Он никогда так не делал, ни разу, даже уезжая в экспедиции на несколько месяцев. Дело становилось все более загадочным. Ключ папа засунул в карман. Я разочарованно вздохнула. Нет. Теперь тайком просмотреть документы будет намного сложнее. Надо что-нибудь придумать.

Первые капли дождя забарабанили, когда мы со Скай убрали последние стулья в сарай.

– Фух, едва успели, – сказала она.

С неба будто опрокинули ведро, и на бабушкино цветочное великолепие обрушился поток. Лепестки опали на землю, и их прибило к гальке.

Мы стояли в дверях сарая, стараясь укрыться под узким навесом.

– Если побежим домой, промокнем насквозь.

Скай кивнула и посмотрела на свои ноги, обутые в балетки.

– И обувь после этого можно выкинуть.

– Лучше подождем, пока он закончится.

Фрейзер помахал нам из окна зимнего сада. Он вовремя смылся и помогал с уборкой внутри.

– Ты сегодня была такой странной. Что случилось? – поинтересовалась Скай, помахав ему в ответ. Она смущенно избегала моего взгляда.

– Профессор Галлахер оставил бумаги, связанные с его работой, моему папе. На кухне Кассандра рассказала мне о какой-то шкатулке и что я должна прочитать эти бумаги, но папа мне их не отдает. Говорит, что меня это не касается, – выпалила я все новости. – Это несправедливо. Он упустил тот факт, что мне уже не шесть лет.

– Ты никогда особо не интересовалась его работой. Или ты считаешь, что это как-то связано с настоящей магией? Можешь представить, что профессор этим занимался?

– Понятия не имею. Мы ведь даже не знаем, от чего он умер. После всех этих странностей я уже решила, что его убили.

– Сердечный приступ, – резко поправила Скай и начала перебирать садовые инструменты. Она аккуратно рассортировала бабушкины секаторы по размеру и развесила их на стене сарая.

– Откуда ты знаешь?

– Фрейзер позавчера рассказал. Поэтому они и отдали тело так быстро.

– Ошибка исключена?

Скай склонила голову.

– Ничего странного. Он был стар и много лет принимал сердечные препараты.

– Меня все равно интересуют его бумаги. Он занимался не только оккультизмом, но и волшебными местами. Ты не думаешь, что это может быть связано с Лейлином и Аваллахом?

Я привлекла ее внимание.

– С чего ты взяла?

– Папа обмолвился. Он, конечно, считает, что это ерунда.

– Но откуда профессор Галлахер мог знать, что такие места существуют? Откуда ему знать, что, кроме нас, есть и другие существа? Не представляю. Он же был ученым.

Я пожала плечами.

– Они с бабулей были ровесниками той девушки. Помнишь ту историю?

– Какой девушки? – Скай недоуменно смотрела на меня, натирая до блеска бабушкины садовые совки старой тряпкой.

– Лучшая подруга бабули, которую соблазнил и бросил эльф. Она потом сошла с ума, потому что ей никто не верил. Она же вроде была сестрой дедушки Фрейзера? – вспомнила я.

– Точно! – перебила меня Скай и с триумфом добавила: – Она родила ребенка с острыми ушками.

– Так говорят. Профессор Галлахер, бабуля и та девушка были примерно того же возраста, что и мы сейчас. Может, он рассказал не обо всем, что тогда увидел, – я смотрела на дождь и рассуждала. – Возможно, профессор чувствовал себя виноватым, что не помог ей тогда, а с возрастом решил во всем разобраться. Такое же вполне возможно?

Я с нетерпением смотрела на Скай, которая продолжала заниматься инструментами. Два совка уже блестели на своих крючках.

– Возможно многое. Но под волшебными местами он мог подразумевать и нечто другое. Я немного навела справки. В Сети много чуши про оккультизм. Существуют тайные общества со странными правилами и ритуалами. И все они предполагают, что в мире есть так называемые места силы, которые связаны между собой Лейлиниями.

– Лейлиниями?

– Лейлин – Лейлинии, – Скай помогла мне с аналогией. – Будь я проклята, если тут нет взаимосвязи. Ты должна выяснить, что в этих бумагах. Если профессор Галлахер это изучал, я хочу знать, к каким выводам он пришел. Твой отец, конечно, прав. Занимаясь этим, он шел по тонкому льду. Традиционная наука такие теории высмеивает.

– Вопрос в том, как мне это сделать. Папа запер кабинет и спрятал ключ, – поделилась я.

– Это, конечно, плохо, но вовсе не препятствие, которое нельзя преодолеть.

Я с изумлением смотрела на суперправильную подругу.

– Хочешь убедить меня пробраться в кабинет отца?

– У вас в доме нет запасного ключа?

Я пожала плечами.

– Не знаю. Как правило, эту дверь не запирали. Я даже не знала, что от нее вообще есть ключ.

– Как только у тебя будет ключ, это уже не считается взломом. Да и держу пари, вскрыть этот замок будет проще простого. Ты что-то приняла? – Скай всегда удавалось меня поражать. – Какие-то запрещенные вещества?

Я подумала о Фрейзере. Вот он вполне мог бы сделать такое.

– Что за бред? Я лишь хочу знать, что за всем этим скрывается. Может, хоть раз в жизни мне стоит сделать то, чего от меня ждут, и держаться подальше от этого дела. – Я сложила руки на груди. Впрочем, небольшой взлом может заставить Кассиана забеспокоиться. Конечно, эта история была мне не по душе. Смогу ли я потом найти путь назад?

– Сделай это. Так будет лучше, – заявила Скай бесстрастно. Я была у нее на крючке, и она это понимала.

– Кто последний добежит до дома – проиграл, – прокричала я и рванула прочь.

Дождь почти закончился, оставив бесчисленные лужи на посыпанной гравием площадке перед кафе. Когда я влетела в коридор, волосы у меня остались сухими, зато туфли и колготки промокли насквозь.

Осторожно обходявшая все лужи, Скай торжествующе улыбнулась. Я прибежала первой, но все равно проиграла. Увидев стоящего в коридоре отца Фрейзера, я резко остановилась. Если бы меня не подхватил Фрейзер, я бы поскользнулась на гладкой плитке. Я замахала руками, чтобы удержаться на ногах.

– Здравствуйте, мистер Вайльдгуз, – прокричала я, запыхавшись.

– Мы знакомы? – проворчал он себе в усы и засунул блокнот в карман пальто.

– Не могли бы вы подбросить Касси до дома, Пол? – спросила мама. Она вышла из кухни, вытирая руки полотенцем. – Я предлагала оставить ее у нас, но она хочет вернуться домой.

– Конечно, без проблем. Как ты? – Папа Фрейзера обернулся к Кассандре. – Мне очень жаль твоего отца. Он был хорошим человеком.

Мистер Вайльдгуз неловко почесал затылок.

Кассандра стояла в дверях на кухню, тонкие пальцы рвали салфетку. Ее ждал тихий, запущенный дом. Мне там было бы страшно. Особенно если бы несколько дней назад в соседней комнате умер мой отец.

Мама ободряюще кивнула Кассандре, когда та шагнула к двери. Девушка повернулась ко мне. Она наклонилась, будто хотела меня обнять.

– Ты должна зайти и забрать шкатулку. Мой дом перестал быть для нее безопасным, – прошептала Кассандра. – Обещай. Пожалуйста.

Я кивнула, от ее слов меня пронзил холод, и я не могла выдавить из себя ни слова. Ее голос звучал иначе. Что это за таинственная шкатулка? Почему профессор Галлахер не отдал ее бабуле вместе с бумагами? Что в ней такого особенного, что Кассандра непременно хотела от нее избавиться? Но прежде чем я успела спросить об этом, она развернулась и неуклюже побрела к машине.

Фрейзер чмокнул меня в щеку.

– У меня от нее мурашки. Пусть Скай садится рядом с ней. Из нас двоих храбрая она.

Я сжала губы, чтобы не рассмеяться.

На уборку дома и кафе ушло по меньшей мере два часа. Наконец Грейс и Финн смиловались и помогли навести порядок. Хотя Грейс своими наманикюренными пальчиками лишь собирала книги, разбросанные гостями, и расставляла их по местам. Мама подметала и мыла пол, пока я мыла посуду. Бабушка ее вытирала. К сожалению, она не болтала со мной, как обычно, о Боге и мире. Молча полировала стаканы и мамин фарфор. Какую бы тему я ни поднимала, бабуля отделялась односложными фразами. Это было так на нее не похоже, что мне стало страшно. Но ведь умер ее самый старый друг, возможно, она хотела, чтобы сегодня ее оставили в покое.

– С остальным я справлюсь сама, – сказала я, заметив, что ее движения замедлились. – Ложись спать. Ты выглядишь уставшей.

Она улыбнулась и погладила меня по щеке.

– Знаешь, что самое ужасное в старении? – спросила она.

Я понятия не имела.

– Болезни? – предположила я.

Она покачала головой и повесила кухонное полотенце на просушку.

– То, что в какой-то момент ты остаешься один. Что люди, с которыми ты провел всю жизнь, умирают.

– Но ты же не одна, бабуль. У тебя есть мы. – Я обняла ее и прижала к себе, совсем как в детстве. От нее исходил знакомый запах ландышевых духов и мыла.

– Мне и правда очень повезло, – заявила бабушка, хотя в ее голосе слышалась фальшь. Она вышла из кухни, и я понял, что говорила она не про нас.

Я закончила уборку, заставила себя подняться по лестнице к своей комнате и открыла дверь. Я тут же почувствовала, что что-то изменилось. Взгляд притянуло будто по волшебству, и я осторожно пробралась мимо лежащей на полу одежды к кровати. Записка на подушке была написана на прозрачной эльфийской бумаге, и буквы сияли цветом, в котором смешались синий и красный. На дрожащих ногах я склонилась над кроватью и прочитала написанные слова.

Я перечитала ее как минимум трижды. Ну ладно, не меньше десяти раз. На моем лице расплылась улыбка. Существовал только один человек, который мог написать такое сообщение. Глупое, наглое, слишком короткое послание, от которого у меня участился пульс. «*Не*

вздумай!» Сердце колотилось в груди, а я не решалась прикоснуться к записке из страха, что она растворится в воздухе или превратится в пыль. Даже в самых смелых фантазиях я не ожидала, что мой план даст настолько быстрый результат. Хотя я еще не сделала ничего запрещенного, а лишь говорила об этом. В любом случае Кассиан уже об этом знал. Я была счастлива, что никто не видит моей дебильной улыбки. Осторожно взяв записку, я прижала ее к груди. Это было практически признание в любви, немного необычное, но я все равно поняла. Мой эльф никогда не напишет те три слова, которые я вывожу на полях тетрадей. Да ему это и не нужно. Я могу понять его послание. Скай, конечно, закатила бы глаза и покачала головой, но, в конце концов, она была такой неромантической.

Я накрылась одеялом и положила записку под щеку. Засыпая, решила, что завтра приберусь в комнате. Даже не хочу думать, что может случиться, если Кассиан в следующий раз принесет записку и споткнется о книгу или еще что-нибудь. Хотя мысль, что я положу его голову себе на колени, пока он будет без сознания, показалась мне очень соблазнительной. Я могла бы поцеловать Кассиана, а он даже не заметил бы этого. Когда я почувствовала, как его губы касаются моих, у меня закрылись глаза.

– Ты ее не откроешь. – Парень с волшебной палочкой вернулся, едва я погрузилась в сон. Только этого не хватало. Я устало посмотрела на него. Почему бы ему не оставить меня в покое?

– Она не для тебя, – прорычал он. – Она принесет тебе несчастье.

Минуточку! Раньше парень говорил что-то другое. Так как он все время повторял одно и то же, я предположила, что он из тех марионеток, которые могут говорить одно предложение до тех пор, пока не сядет батарейка. А теперь оказалось, что он из болтливых. Я попыталась взглянуть в темноту. Мне хотелось выяснить, действительно ли это парень с кладбища. Глаза были очень похожи, но я все равно оставалась не уверена.

Расстояние между нами сокращалось. Я хотела отступить, но во сне ничего не вышло. Я почувствовала, как кончик палочки прикоснулся ко лбу, но не видела ничего, кроме его глаз. Ни единой части лица, ни участка кожи, ни волос. Ничего. Только черные глаза, которые, казалось, пронзали меня насквозь. Его голос продолжал шептать у меня в голове, будто желая загипнотизировать. Теперь звучание его слов напоминало шипение змеи.

– Остееееерееегаааайсяяяя еееее.

У меня кровь застыла в жилах. Возникло ощущение, что отказали ноги или я парю над кроватью. Это было жутко и напомнило «Экзорциста», самый страшный фильм всех времен. Надеюсь, мое тело не обрело самостоятельность и не сбежало по лестнице на странно вывихнутых ногах.

– Онааааа нееее твояяяяя.

Он замолчит, если я с ним заговорю? Спросить парня, что ему от меня надо? Язык лежал во рту, как камень. При всем желании я была не в состоянии заговорить.

Что-то подо мной начало светиться. Я увидела поднимающихся бабочек-хранителей. И попыталась повернуть голову. Они появлялись из моей подушки, нет, из письма Кассиана, и окружали меня нежными взмахами крыльев. Я оказалась в безопасности и с облегчением вздохнула. Зрачки в черных глазах становились узкими, совсем как у змеи. Странно, что я вообще смогла отличить зрачок от радужки, потому что оба были черные как смоль.

Я упала на кровать и ударилась головой о деревянное изголовье.

– Ай! – Ругаясь, я потеряла больное место и поняла, что левитировала не только во сне. И если это мне не приснилось, значит остальное тоже было реально. Натянув одеяло до носа, я с опаской оглядела темные углы комнаты. Осторожно нащупала прикроватную лампу и включила, надеясь, что, если тот парень еще здесь, яркий свет заставит его исчезнуть. Но единственными глазами, глядящими на меня, были глазки Говорящего Тедди, моего любимого плюше-

вого медведя. Мне его подарили, когда я пошла в первый класс, и у меня никак не хватало мужества с ним расстаться. Тедди занимал почетное место в изножье кровати.

– Ты его видел? – прошептала я.

Но Говорящий Тедди не оправдал свое имя. Он ничего не сказал и, как обычно, смотрел глазами-бусинками в пустоту.

Меня трясло, хотя на коже чувствовалась тонкая пленка пота, а воздух в комнате был неподвижен. Мне отчаянно хотелось распахнуть окно или принять холодный душ, но я не могла пошевелиться. Через некоторое время мое дыхание выровнялось, я нащупала телефон и набрала номер Скай.

– Ты знаешь, который час? – сонно пробормотала она.

– Нет, – честно ответила я, глядя на часы. Почти два. – Извини. Но мужчина с черными глазами вернулся.

– Это всего лишь сон, – промямлила Скай в полусне.

Наверняка она лежала в постели с закрытыми глазами. Надеюсь, она не выронит мобильник.

– Это был не сон. Мне кажется, он был в моей комнате. Я парила в воздухе.

Мой возбужденный голос наконец разбудил Скай.

– Как парила?

– Ну, знаешь, в воздухе над кроватью. А потом бабочки-хранители вылетели из записки Кассиана и прогнали его. Я ударилась об изголовье и наверняка заработала огромную шишку. – Кончиками пальцев я дотронулась до того места на затылке и застонала от боли.

– Элиза? – осторожно поинтересовалась Скай. – Ты что-то приняла?

Будь я на ее месте, спросила бы то же самое.

– Конечно, нет.

– Тогда еще раз сначала. Ты легла спать и тебе приснился тот парень?

Я закивала, не подумав, что подруга меня не видит.

– Это было не в первый раз. Но сегодня он подошел ближе.

– Что еще за записка от Кассиана и почему ты не позвонила сразу, как только ее нашла? – Она была по-настоящему возмущена.

– Ну, понимаешь, она довольно личная.

– Личная? Он тебе предложение сделал или что?

– Не совсем, – растерялась я, чувствуя себя немного глупо.

– Что он написал? – Скай не успокаивалась.

Я попыталась нащупать записку под подушкой. Обернувшись, подтянулась и заглянула под кровать.

– Да что такое? Насколько я знаю Кассиана, он там не мемуары написал! – рявкнула Скай. – И держу пари, ты выучила текст наизусть.

– Записки больше нет, – простонала я. – Вот блин.

Я готовилась разрыдаться. Наконец у меня появилось хоть что-то от него, и я тут же это потеряла.

– Что там было написано? – Подруга была готова взорваться от любопытства.

– Не вздумай! – прошептала я. – И надпись переливалась. Я уверена, что бабочки появились из записки. Они прогнали черные глаза.

Скай не особо заинтересовалась бабочками.

– Не вздумай? – переспросила она недоверчиво. – Спустя столько недель ему больше нечего сказать, кроме «Не вздумай»? Да что не так с этим парнем? Там не было даже «привет» или «надеюсь, у тебя все хорошо»? Кажется, для тебя эти два слова прозвучали как признание в любви.

Скай знала меня слишком хорошо. Я уткнулась головой в подушку, чувствуя себя безумно глупо. Впрочем, это чувство было для меня не новым.

– Конечно, нет, – выдавила я, но подруга только рассмеялась.

– Что теперь будешь делать? – деловито поинтересовалась она. – Проверишь, что в этих документах, или последуешь указанию Мистера Я-самый-мудрый-на-свете-и-знаю-что-для-тебя-лучше?

Я почесала затылок. Вопрос в любом случае был риторическим, и мы обе знали об этом.

– То есть ты хочешь сказать, что записка это не знак того, что он по мне скучает.

Скай рассмеялась, поперхнулась и начала фыркать в трубку.

– Что ты вообще за подруга? Ты должна подбодрить меня, вселить надежду, – потребовала я.

– Для такой ерунды найди себе другую подругу, – резко ответила она, отдышавшись. – Я бы посоветовала одну из прихлебательниц Грейс, которые вечно обо всех сплетничают.

Я вспомнила этих вырядившихся фальшивых блондинок.

– Я, пожалуй, откажусь, но спасибо за подсказку. Ладно, я нашла ключ и сейчас пойду туда, – заявила я со смелостью, которой совсем не ощущала, и свесила ноги с кровати. – Что прикажешь делать, если тот темноглазый поджидает меня за дверью? Он все время говорил: «Не открывай», – повторила я его слова. – Интересно, он имел в виду бумаги или шкатулку, от которой Касси хочет избавиться любой ценой?

– Конечно, шкатулку, – откликнулась Скай. – Но об этом мы позаботимся, когда она будет у тебя. Для начала нужно разузнать, что об этом писал профессор Галлахер.

Я сделала глубокий вдох и встала.

– Ладно, – легко ей было говорить. В конце концов, Скай лежала в своей постели в нескольких милях отсюда.

– Мне подождать?

– Нет. Все в порядке. Если будем болтать, обязательно кого-нибудь разбудим. Я напишу тебе, как что-нибудь выясню.

Интересно, Скай услышала дрожь в моем голосе?

– У тебя все получится, – подбодрила меня подруга. – Ты же справишься с другими приключениями.

– Скрести за меня пальцы, – прошептала я и приоткрыла дверь.

– Все будет хорошо. Удачи. – Скай повесила трубку.

Глава 5

По скрипучим ступенькам я прокралась в кабинет отца. Пол будто возмутился, что я нарушила его ночной покой. Единственным источником света был фонарик на моем телефоне. Почему не оставлять включенной на ночь хотя бы одну лампу в коридоре? Так же можно сломать себе шею. Я медленно нажала на дверную ручку. Разумеется, дверь оказалась заперта, но другого я и не ожидала.

Потными руками я вытащила ключ из кармана пижамы со Снупи и протерла отшлифованную бородку. Старая коробка из-под обуви, в которой этот ключ пылился долгие годы, была спрятана в дальнем углу моего письменного стола. Как удачно, что я ничего не выбросила. В детстве мы с Финном с помощью этого ключа тайком обыскали гараж и сарай, потому что он подходил ко всем замкам. В будущем я смогу запереть свою комнату, если захочу, чтобы меня никто не беспокоил, или если ко мне заглянет Кассиан. Но этого, наверное, никогда не случится.

Не давая себе шанса передумать, я вставила ключ в замок. Мне пришлось немного на него нажать, чтобы тот вошел в скважину. Очень медленно, чтобы не шуметь, я повернула его. Дверь отворилась со скрипом, резанувшим слух. Когда она распахнулась, я застыла на месте, но опомнилась и вовремя схватила ее, не дав удариться о книжный шкаф. Я зашла в кабинет со смелостью, которой на самом деле не ощущала, и заперла дверь. Если вдруг появится отец, у меня будет хотя бы полминуты, чтобы найти, где спрятаться. Свет фонарика скользил по мебели. Она выглядела не так, как при дневном свете, а по-настоящему пугающе, хотя эту комнату я прекрасно знала. Тиканье часов, принадлежавших еще дедушке и всегда стоявших на письменном столе, нарушало тишину. Тик-так. Тик-так. Не хватало только толстенького паука, спускавшегося с потолка. У меня появилось ощущение, будто я попала в плохой фильм ужасов. Давным-давно, когда папа никуда не ездил, я часто играла здесь на протертом персидском ковре или пряталась за толстыми занавесками. С этой комнатой были связаны теплые воспоминания. Но теперь все изменилось.

Я обошла письменный стол. Его тщательно прибрали, и документов нигде не было видно. Отец спрятал абсолютно все. Даже корзинка для мусора пустовала. Здесь определенно крылась тайна. Ведь свою страсть к беспорядку я унаследовала от отца. Я задумалась, есть ли у меня еще варианты или мне стоит, сдавшись, вернуться обратно в постель.

– Я же говорил тебе держаться от этого подальше! – прошипел голос из темноты.

В испуге я сделала пару шагов назад и наткнулась на кресло.

– Ой, – я прижала руку к груди, уверенная, что сердце перестало биться. Но оно так колотилось под ладонью, будто хотело выскочить из груди.

– Ты в своем уме? – огрызнулась я. Квирин вылез из шкафа. – Что ты здесь делаешь? Смерти моей хочешь?

– Иногда подумываю об этом. Что во фразе «держись от этого подальше» тебе непонятно?

– Если бы мне кто-нибудь сказал, от чего мне нужно держаться подальше и почему... Но, увы... – Я уперла руки в бока.

Хватит с меня постоянной опеки.

Квирин закатил черные глаза-пуговицы.

– Тебе этого знать не положено! Просто делай то, что должно человеческим девушкам, а это не подразумевает вторжение в кабинет собственного отца. – Он строго смотрел на меня.

– От кого ты набрался таких премудростей?

– Сама знаешь. И я бы на твоём месте его не провоцировал. Он сейчас совсем не в духе.

– Что-то новенькое. Что на этот раз испортило ему настроение? Разве Элизьен не позволяет ему целовать себе ноги? – Я разозлилась, что придала такое значение пустяковой записке.

Такое могло прийти в голову только мне. Любая другая девушка увидела бы в ней то, что есть: указание поступать так, как считал правильным он.

Квирин серьезно смотрел на меня. Готова поспорить, он читал все мои мысли. Ему даже не пришлось напрягаться, чтобы залезть мне в голову, достаточно было взглянуть на мое лицо.

– Элизьен сказала, что согласна использовать ауреолы, чтобы вернуть ему зрение.

Я изумленно уставилась на тролля. И он говорит об этом между прочим.

– Что? – удивленно переспросила я и продолжила, стараясь говорить ровным голосом: – Она... позволила? Ого. Круто! Так он должен быть на седьмом небе от счастья.

Я с трудом могла представить себя зрячего Кассиана. Хотя порой задумывалась, что Элизьен не станет отказывать ему в исполнении этого желания, но, конечно, большей частью я представляла, как в следующий раз мой эльф меня поцелует. Кончики пальцев покалывало от волнения. Он снова сможет видеть! И ему больше не потребуется эта дурацкая трость! Самое заветное желание Кассиана сбудется. Если кто-то и заслуживал такое, то это он. Впрочем, если Кассиан даже не видя мог заглянуть мне в душу... Он сможет увидеть мое лицо. Сможет сравнить его с безупречными лицами Опал и других эльфов. Моя эйфория растаяла как дым. Боже мой. Конечно, я им не соперница. Я начала глубоко дышать, чтобы сердце перестало так колотиться. Все равно он не вернулся ко мне, так что эти опасения можно выкинуть из головы. Я не видела его прозревших глаз, а он – несовершенную меня.

– Ничего не получилось, – признался Квирин серьезно. – Вот почему у него дурное настроение.

У меня подкосились ноги, и я опустилась на ковер, оказавшись на уровне глаз Квирина.

– Ох. – Я надеялась, что в темноте он не увидит, как я смаргиваю слезы. Но, к сожалению, тролль услышал, как я тихонько шмыгаю носом.

– Ты плачешь?

– Нет, – соврала я. – Но он так об этом мечтал. Мне очень жаль.

Я почувствовала угрызения совести. Опять я, глупая корова, думала только о себе. Плевать, что Кассиан подумал бы о моем лице или обо всем остальном. Это ужасно эгоистично. Он вынужден жить в темноте – я боялась даже представить себе такое и не пожелала бы и злейшему врагу. Неудивительно, что он злился. Ауреолы оставались его единственной надеждой. Должно быть, он раздавлен, но все равно подумал, чтобы отправить мне записку с бабочками-хранителями. Парень с волшебной палочкой проткнул бы меня насквозь, если бы они его не прогнали. Я вытерла слезинку со щеки.

– Я говорил тебе, что Кассиан должен смириться со своей судьбой.

– Тебе легко говорить. Ты не застрял в полной темноте.

– У тебя хотя бы раз складывалось ощущение, что он не справляется без зрения?

Я бы с удовольствием проигнорировала его замечание.

– Нет, конечно, – призналась я.

– Вот. Не беспокойся о нем. Кассиан, даже слепой, может эльфийкам глазки строить.

Я прекрасно об этом знала. Меня будто пырнули ножом в живот, достав до самых внутренних.

Квирин продолжал бодро рассказывать:

– С тех пор как Кассиан спас Элизьен, они к нему в очередь стоят. Не проходит и дня, чтобы ему под дверь не положили цветы. Да ему можно магазин открывать. В «Харуспексе» постоянно печают стихотворения о мужестве и отваге Кассиана. Во дворце у него есть свой почтовый ящик для поклонниц. Это нелепо, ведь он сам не может прочесть ни письма, ни стихи. Не хватает еще, чтобы они ему серенады пели. Хотя Кассиан не выжил бы без тебя, эти глупые эльфы решили не думать об этом. Элизьен назначила его своим личным телохранителем. Впервые за всю эльфийскую историю. Эта должность гораздо выше его статуса, но, кажется, никто не возражает. Обычно во дворце служат только эльфы из первой и второй семей.

Я заплакала еще сильнее. Я ни о чем таком не хотела знать, но и заткнуть уши была не в состоянии. Я могла представить, как эльфийские девушки цепляются за него, изливая свое обожание, в особенности эта тупая корова Опал. К сожалению, выглядела она как эльфийская фея, а не корова.

– Почему ничего не вышло? – прервала я его, потому что Квирин уже собирался начать рассказ заново. Не хватало еще, чтобы он перечислил мне имена тех эльфиек, которые искали расположения Кассиана. – Мне говорили, что все семь ауреолов могут исполнить это желание.

– Понятия не имею. Меня там не было. Эта процедура суперсекретная. Каждая семья посылает верховного представителя с ауреолом. Может, один из них сломался? Может, одному из верховных Кассиан не по душе. Я так думаю. Зависть и неприязнь среди них растет как на дрожжах. Скорее всего, силы ауреолов не хватило. – Он пожал плечами.

– Что он будет делать теперь? Это ведь был его единственный шанс?

Не хотелось даже представлять, что чувствует Кассиан. Почему меня не оказалось рядом с ним, когда он понял, что его надежды не сбудутся? Я могла бы его поддержать. Сердце сжалось. Конечно, он старался не проявлять слабость, даже если перед ним раскрывалась бездна. Он ненавидел жить в темноте.

– Должно быть, он чувствовал себя кошмарно. Я должна была поддержать его. Как подруга.

Квирин с сожалением покачал головой.

– Джейд спрашивала его, нужно ли привести тебя, но, вероятно, ты была последней, кого он хотел видеть. Кассиан даже собственную сестру выгнал из дома. Думаю, полноценная истерика пойдет ему на пользу. Кассиану нужно расколошматить посуду или подраться с Ноамом. Он слишком жестко себя контролирует и держит все в себе. В долгосрочной перспективе это выйдет ему боком.

Обдумать житейскую мудрость Квирина относительно того, как бороться со стрессом, я не смогла.

– Он не хотел меня видеть? – ошеломленно спросила я. – Почему? Я думала... мы друзья, – неуверенно добавила я, ведь для меня Кассиан значил гораздо больше. То, что он отказался от моей помощи, ранило меня куда сильнее, чем я собиралась признать.

Квирин сунул волосатые руки в карманы.

– Что вообще творится в голове у эльфа?

Квирин всегда делал вид, что эльфов на дух не переносит, но я знала правду. Он души не чаял в Джейд и исполнял любое ее желание. Рэйвен и Кассиан тоже были его любимцами. Этому троллю не заморочить мне голову.

– Конечно, ему непросто, – добавила я с пониманием.

В семь лет Кассиана изгнали из первой семьи. Из-за дурацкого эльфийского правила. Одно это далось ему тяжело. Но он справился и с издевательствами, и с насмешками бывших друзей. Об этом мне рассказала Джейд. Кассиан нарастил толстую шкуру. Только Рубин

остался его лучшим другом. Потом он был тяжело ранен в войне с ундинами и ослеп. Боюсь даже представить, сколько сил потребовалось Кассиану, чтобы это преодолеть. Все это время он наверняка надеялся вернуться к прежней жизни.

Я кивнула, продолжая плакать, потому что расстроилась из-за несправедливости и еще потому, что этот дурак не позволил мне ему помочь.

– Как он сейчас?

– Сначала Кассиан не хотел никого пускать в дом. Прогнал всех: сестру, Рэйвен, Рубина и даже королеву, но от тролля так просто не избавишься, – произнес Квирина с гордостью. – Кто-то же должен поставить ему мозги на место.

– И этим кем-то оказался ты? – Я с трудом могла представить Квирина в роли утешителя.

– Я спросил, что для него изменилось. Он же не вчера потерял зрение. Кассиан уже привык и справляется лучше многих зрячих. Так что я сказал, что он должен взять себя в руки и не вести себя, как размазня.

Этого я и боялась – утешать Квирина не умел вовсе. Я бы в сто раз лучше справилась.

– Он тебя избил или прогнал?

Тролль широко улыбнулся.

– Прогнал. Но на следующий день вернулся к работе во дворце. Кажется, моя стратегия оказалась вполне удачной.

– Теперь ты, должно быть, его лучший друг, – я улыбнулась сквозь слезы.

– Второй лучший друг. Поэтому Кассиан и отправил меня приглядеть за тобой. Кому попало он бы такое задание не доверил.

Его слова вернули нас к началу разговора.

– От чего ты хочешь меня защитить?

– От глупостей, которые ты собираешься сделать. Я прекрасно знаю, ты что-то затеваешь.

Странно, что я ощущаю магию, но не вижу, чем или кем она вызвана. Мы с эльфами из-за этого нервничаем. Я должен ощущать, чья это работа. Но на этот раз блуждаю в потемках, – Квирина сделал паузу. – Он беспокоится, – добавил он серьезно, и у меня от счастья чуть сердце не выпрыгнуло. Я была не в силах сдержаться. Хотя мне стоило испугаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.